

НАШИ ТАМ

АНАТОЛИЙ МАХАВКИН
БЕЗДНА

Анатолий Анатольевич Махавкин
Бездна
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66697592
Бездна: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09686-9

Аннотация

Это было всего-навсего желание заработать немного денег во время отпуска. Поначалу всё казалось невероятно простым, но вскоре начали происходить события, которые можно назвать не иначе как кошмаром наяву. Таинственное место, называемое Бездной, наполнено смертоносными ловушками, жуткими тварями и ещё чем-то, что трудно вообразить. И Бездна определённо не намерена отпускать людей, проникших в её недра.

Содержание

Часть первая. Ключ к Бездне	5
Преддверие	5
Бездна	86
Нисхождение	140
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Анатолий Махавкин

Бездна

© Махавкин А.А., 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Часть первая. Ключ к Бездне

Преддверие

Конец месяца для меня – самое гнетущее время, навевающее тоску и непреодолимую депрессию. И дело вовсе не в том, что последние числа в календаре вызывают мысли о бренности всего сущего и близости смерти. Это чисто философский подход, а я вовсе не стремлюсь примерять на себя лавры Канта и прочих ему подобных. Дела обстоят намного проще, жизненнее и трагичнее, с моей индивидуальной точки зрения. Конец месяца – это время, когда финансы с распевания романсов переходят к утробному завыванию похоронных маршей. Деньги, полученные в начале месяца, успели давным-давно перейти в область виртуальной реальности, противоестественно спариваясь там с получившими-ся долгами. В результате этого смещения получается нечто настолько отвратительное, что даже самые жуткие монстры Голливуда при виде подобного прячутся кто куда.

В последних числах месяца супруга теряет ко мне интерес, посему все чистосердечные предложения об исполнении супружеского долга встречаются с холодным недоумением, словно я обратился с подобным предложением к абсолютно незнакомой женщине. В связи с вышеизложенным опреде-

лѐнные органы начинают здорово опухать и зверски ныть. Поскольку любовницы (по той же злосчастной причине отсутствия лавэ) у меня нет, приходится терпеть все неудобства семейной жизни до следующей зарплаты. В то же время жена, не испытывая никаких неудобств по этой части, целыми утрами, днями, вечерами и ночами занимает эфирное время нашего телефона, болтая с некими загадочными подругами, точно на противоположном конце провода повисло целое подразделение женского батальона. Впрочем, иногда супруга оговаривается, именуя какую-нибудь «подругу» котиком.

Дочка сидит перед телевизором и сосредоточенно обгрызает соску, наблюдая за мельтешением клипов на экране. Пытаясь отвлечь её от этого занятия, ты рискуешь навлечь на себя праведный гнев несправедливо обиженного младенца, выражающийся в постукивании погремушкой по черепу обидчика и пронзительном верещании. Всё это означает, что прикасаться к пульту строго-настрого запрещено.

Старый комп, изредка покидая состояние глючной фрустрации, немедленно оккупируется разлюбезной супругой, и все попытки выселить её из весѐлых ферм и прочей социальной хрени натываются на звериный оскал слабого женского существа. При этом жена продолжает свои беседы, пытаясь убедить меня, дескать, в её роду некогда был кто-то с именем Юлий.

Но хуже всего становится, когда делаешь попытку загля-

нуть в холодильник. Возможно, в бесконечном социуме существуют некие поклонники абсолютной пустоты, обожающие созерцать вместилища, освобождённые от содержимого, но я к их числу не отношусь. При наблюдении холодильного нутра мне больше всего нравится зрелище лоснящихся боков колбас и блестящих банок, заполняющих его до отказа. Вот это радует меня, а мой желудок доводит почти до религиозного экстаза. К сожалению, дни, когда я мог без помех любоваться чем-то подобным, ушли в далёкое светлое прошлое. В довершение этой неприглядной картины за окном непрерывно моросит мелкий ноябрьский дождь, угрожая в ближайшее время произвести метаморфозу, обратившись в столь же мелкий и противный ноябрьский снег. От подобного великолепия становится настолько мерзко, что хочется срочно нажраться, но выполнить сие невозможно по той же трижды проклятой причине отсутствия денег.

Остаётся слоняться из угла в угол, постоянно натываясь на одного и того же таракана, сидящего на стене с самым что ни на есть унылым видом и столь же уныло шевелящего усами. Убегать он определённо не собирается, понимая, насколько малой угрозой я являюсь в данный момент. Получается некий замкнутый круг: окно, за которым в сгущающихся сумерках падают мелкие капли холодного дождя; жена с трубкой телефона в одной руке и с сигаретой в другой, которая мурлычет: «Конечно же, котик, то есть Любочка», и печальный таракан, понуро переступающий с лапы на лапу.

От всего этого хочется вздёрнуться, но точно знаю: этой радости никому не доставлю!

Жена докурила сигарету и сказала томным голосом:

– Ладно, Верунчик, до завтра. Целую.

После этого трубка вернулась на свой насест, а жена отправилась в наш совмещённый санузел с неизвестной сверхзадачей. В тот же момент телефон оглушительно мяукнул, и супруга опрометью вернулась обратно, попутно едва не затоптав меня.

– Алло, – сказала она, и её пухлое лицо отразило разочарование. – Привет и тебе, как там Зинка? Нормально? Чё тогда не звонит? Ага, понятно, а я и забыла совсем... А чё ты хотел? Кого? На кой хрен он тебе нужен? А мне интересно. Ладно, сейчас дам.

Из отдельных реплик я понял: разговор предстоит со мной. Звонил, как нетрудно было догадаться, Фёдор – муж сестры моей дражайшей супруги. С Фёдором у меня были довольно натянутые отношения. Я никогда не мог найти с ним общих тем для разговора, а он, как мне казалось, слегка (а может, и не слегка) презирал меня, считая неудачником. У него самого всё всегда получалось, и это давало жене лишний повод поворчать: «А вот Фёдор... А вот у Фёдора...» Этим она доводила меня до белого каления и не вызывала особо добрых чувств к предмету сравнения.

Поэтому к телефону я подошёл, имея в душе кислый коктейль из недоумения и нежелания вести беседу, способную

испортить и без того поганое настроение. Ольга плюхнулась на стул у окна и уставилась на меня взором голодной анаконды, словно я должен был заранее предупредить её о содержании предстоящей беседы.

– Я слышал, ты сейчас в отпуске, – без какого бы то ни было приветствия начал Фёдор, и в его сонном голосе промелькнули нотки нетерпения. – Долго ещё собираешься задницу просиживать?

– Да я, собственно, только начал, – промямлил я, несколько удивлённый подобным вступлением; осведомлённости родственничка я не слишком поражаюсь: всё, известное же не, тотчас становилось предметом обсуждения с её сестрицей, – три дня отдохнул, ещё двадцать семь в запасе.

– Великолепно! – В голосе Фёдора прозвучало откровенное ликование. – Это именно то, что надо. Денег хочешь подзаработать?

– Что? – поперхнулся я. – Чего сделать?

– Лавэ накосить, бабла срубить! – рявкнула трубка так, что у меня в черепе забренчало. – Вынь бананы из ушей!

– А, денег заработать... – уныло протянул я, потирая поясницу. – И как же?

Отсутствие энтузиазма в моём голосе при таком на первый взгляд выгодном предложении имело под собой глубокие основания. Один раз после настойчивых просьб моей драгоценной половины, искренне озабоченной пустотой своего кармана, Фёдор согласился переговорить с хозяином

фирмы, где он работал водителем, дабы я посодействовал их благородному труду на благо собственного кошелька. Подсобным рабочим. Вы никогда не работали подсобником в небольшой фирмочке с ограниченным числом работников? Спустя неделю я понял две вещи. Во-первых, Фёдором руководило одно лишь желание – отвязаться от рыбы-прилипалы, то есть моей жены. Во-вторых, до меня дошло, почему место подсобника, свободное на момент моего пришествия, будет оставаться таковым и дальше. Жалкие гроши, получаемые мной, никак не компенсировали тот объём работ, который приходилось выполнять и от которого скончалась бы самая мощная лошадь-тяжеловес, научившись предварительно трёхэтажному мату. С трудом дожив до окончания второй недели, я сравнил полученный доход с обрётёнными травмами и, невзирая на алчные вопли супруги, вернулся к прежнему роду деятельности. Естественно, перспектива рабского труда в законном отпуске меня нисколько не прельщала.

– Ты сначала спроси – сколько? – хихикнул Фёдор, причём в его голосе почему-то прозвучало плохо скрываемое злорадство. – А потом узнаешь всё остальное.

– Ну и сколько? – ещё более уныло, чем в прошлый раз, поинтересовался я, ожидая услышать некую усреднённо-низкую сумму, достаточную, чтобы моя благоверная подвигла меня на трудовой подвиг, но определённо не дотягивающую до того уровня, за которым начинается удовлетворение от проделанной работы.

– Три штуки, – торжествующе выдохнул змей-искуситель, сидящий в глубинах телефонной трубки.

– Ско-колько? – Я уже хотел послать Фёдку в пешее сексуальное путешествие, и тут он меня добил:

– Баксами.

Всё. Это был решающий удар, после которого я некоторое время сидел в ступоре, рассматривая телефонный аппарат, постепенно приобретающий определённый оттенок. Да-да, именно тот самый, какой имеют лишь маленькие предвыборные плакатики с портретами давно умерших президентов далёкой заморской страны. Мысль, что я могу в одночасье стать обладателем такого количества бабок, раскачивала меня в амплитуде от счастливого блаженства до самого тяжёлого подозрения.

– Это, случайно, не в революциях каких участвовать? – осведомился я, сподобившись наконец на простейший анализ сказанного. За какие другие заслуги могут предложить три тысячи долларов, я просто не представлял. – Так я не согласен.

– Ладно, не бзди, – ответил Фёдор таким покровительственным тоном, словно собирался похлопать по плечу. – Работа тебе ломится очень даже простая. Поедешь с людьми в одно место и поможешь им таскать какие-то ящики. С оборудованием, кажется... Делов – на неделю. Полторы штуки вперёд, полторы – после окончания работы.

– И где это нужно будет таскать ящики? – ощущая новый

прилив подозрительности, поинтересовался я. – Не в Чернобыле, случаем?

– Честно говоря, я не знаю, – голос Фёдора приобрёл озабоченные нотки и как-то отдалился, – но вряд ли. Там вроде какие-то пещеры. Короче, если согласишься, тебе всё расскажут и покажут.

– Мне нужно подумать, – промямлил я, сдерживая предательскую дрожь в голосе, потому что проклятуший язык удерживал на своём конце немедленное согласие. – Это же не очень срочно?

– Очень, – отрезал Фёдор. – Ну чё ты ломаешься, как целка? Или у тебя есть три лишние штуки? Короче, так: завтра утром я позвоню с трубы на твой домашний, и, если хочешь заработать, будь готов: собери сумку с барахлишком, ну, как в поход – щётку зубную, то-сё... Жратву не надо – хозяева покормят. Мобилу не бери, это – особое условие, какие-то там магнитные поля... согласишься – я за тобой заеду, не согласишься – соси сам знаешь что. До завтра. А, кстати, передавай Ольге привет от Серёги.

В трубке загудело, после чего я автоматически положил её на рычаг и повернулся к жене, которая тушила окурки в пепельнице.

– Кто такой Серёга? – спросил я у неё.

– Не знаю. – Она откинулась на спинку стула, и кончик носа у неё порозовел. – Какой Серёга, чего ты придумал?

– В общем, тебе от него привет, – буркнул я и пошёл в

сортир. Думать.

Думалось хреново. Сумма в три штуки зелёно-разноцветных сыпалась перед глазами диковинным листопадом, погребая в своих шелестящих недрах все возможные возражения. Чего уж перед собой лукавить, за такие бабки можно было ехать куда угодно и делать что угодно. Ну, почти... А недельку потаскать какие-то ящики...

Поскольку моя голова объявила тайм-аут, я позвал супругу, и она неторопливо явилась, снова дымя сигаретой, точно женская особь паровоза. Уставившись на меня, оседлавшего унитаза, она выпустила струю дыма и ядовитый вопрос:

– Тебе подержать?

– Нет, вытереть задницу, – парировал я. – Слухай сюды. Федька предложил мне заработать небольшую денежку.

– Небольшую – это сколько? – В голосе супруги возник квант интереса к моей персоне, а в голове громко щёлкнул, включаясь, аппарат для подсчитывания доходов.

– Две штуки баксов, – сказал я, слегка запнувшись на цифре. – Штука сейчас, остальное потом.

– Шутишь? – Губы Ольги презрительно изогнулись, но глаза вспыхнули, словно две алчные фары. Стало совершенно понятно: даже вздумай я отпираться, меня свяжут и силой отволокут к месту работы. – И что ты должен делать? Краденое прятать? У нас в третьем подъезде целое семейство повязали за эту ерунду. Помнишь, там ещё такой жирный тип на иномарке раскатывал. Хочешь, чтобы я одна ребёнка вос-

питывала? Я тебя из тюрьги ждать не буду!

В этом как раз никто не сомневался. Напротив, я был уверен в наличии у супруги запасного аэродрома, где её ожидает подготовленная полоса.

– Остынь, – проворчал я, заканчивая сортирный моцион мытьём рук, – Фёдор сказал, всё, что от меня требуется, – это таскать какую-то аппаратуру. Короче, неделю меня не будет.

Теперь на лице Ольги промелькнуло какое-то подозрение. Вообще-то она не ревнивая, просто не любит, когда её вещами пользуется кто-то чужой. Я, очевидно, находился в списке её собственности, где-то между телевизором и стиральной машиной. Впрочем, я мог себе льстить, завышая стоимость раздолбанного тостера.

– По бабам собрался? – угрожающе прошипела она. – Так знай: я дома сидеть не собираюсь, отдам Наташку матери и...

– Послушай, радость моя, – все эти разборки меня жутко утомили, – поедешь завтра со мной, заберёшь аванс, а заодно убедишься, куда я еду работать.

Колёсики в голове супруги сделали финальный оборот, и табло выдало окончательный результат: ваш выигрыш – тысяча долларов плюс бонус: недельное отсутствие мужа. В общем, неплохая прибавка к пенсии. Моя участь была решена. В этом я убедился тут же. Непокосимые черты лица моей половины поплыли, точно незримый Пигмалион начал свою благородную работу. Широкая, во все сорок восемь зубов, улыбка озарила лицо Ольги, и она поцеловала меня в губы.

Ух ты! Давно забытое ощущение.

– Милый, – мурлыкнула жена, – ты же знаешь, как я тебя люблю. Можно, я куплю себе что-нибудь из одежды, какую-нибудь мелочь...

Всё ясно – хана штуке. На фиг только предлагал? Как там говорил Бывалый? Балбес. Ну и ладно, тысячу я себе зарезервировал, на мелкие расходы вполне достаточно. Я человек неприхотливый.

– Может, немного побалуемся перед отъездом? – продолжала мяукать супруга, поигрывая наманикюренными коготками у меня между ног. – Когда малая ляжет спать. Давно я тебе не уделяла должного внимания.

Об энтузиазме супруги говорил тот факт, что она немедленно собрала мне дорожную сумку и подготовила одежду: потёртые джинсы с дырявыми карманами, протекающие сапоги, старую куртку с капюшоном и не менее древний свитер. Ну, понятно: экономика должна быть экономной. Да я, в общем-то, и не спорил, возмущившись, лишь когда мне попытались всучить жалкий огрызок хозяйственного мыла, которого не хватило бы на помывку самого малого на свете хозяйства. После краткого, но ожесточённого сражения мне удалось заполучить почти целый кусок туалетного мыла с нежным ароматом французского туалета.

К сожалению, побаловаться в этот вечер нам так и не удалось. Но не по вине Ольги, она в отношении подобных авансов обязательна.

Припёрся кум, пьяный в дрезину, и припёр с собой две бутылки отцовского самогона: одну початую, другую – в непорочной невинности. Пока мы стряпали закуску и успокаивали Наташку, ошеломлённую лицезрением синего крёстного, кум успел слегка протрезветь. Заплетающимся языком он поведал шекспировскую трагедию сегодняшнего дня. Насколько я уразумел, последняя пассия киданула его достаточно оригинальным способом: познакомила со своим новым приобретением. После этого знаменательного события оба любовничка совместно надрались. Счастливчик остался пугать унитаза избранницы, а несчастный отверженный приполз к нам, лечить сердечные раны, заливая их самогоном. Очевидно, в целях дезинфекции.

– Ничего страшного, Костенька, – процедила сквозь зубы Ольга, пыхая сигаретным дымом и деловито нарезая солёные огурцы, – найдёшь ты себе новую б... девушку. Ты парень симпатичный, не то что моё уродище, глаза б на него не глядели! На кой хрен я вообще за него вышла?

– По любви, милая, исключительно по любви, – сказал я, проходя с кумом в комнату и осторожно приносиваясь к самогону. – Это – П или Х?

Самогон, который изготавливал батяня кум, маркировался именно этими двумя буквами, но что они означали, никто не знал. Версий, понятное дело, существовало ровно две, причём взаимно противоположных.

– Отличный продукт, – махнул рукой кум, – стащил из

личной нычки. Папаша точно пилюлей надаёт, когда узнает. Давай накатим!

– Давай, – согласился я, выбулькивая мутно-янтарную жидкость, и предложил тост: – За деньги.

– Вы там без меня бухаете? – донёсся из кухни голос супруги. – Подождите.

– За деньги? – Кум помотал головой: – Нет, лучше за любовь.

– За любовь и за деньги, – согласился я и влил в себя порцию огненной жидкости. – Действительно, неплохой. Должно быть, Х. А может, и П.

В этот момент появился гений чистой красоты с краткой лекцией о вреде пьянства в отсутствие родственников. Дочка отвлеклась от телевизора, пытаясь внести свою лепту в нарастающий шум. Пришлось заняться затыканием ртов. Наташка получила бутылку с молочной смесью, а её мамаша – фужер с домашним вином личного производства. Мы с Костиком не отставали от женщин, уничтожая запасы экологически чистого продукта.

Настроение налаживалось, и предстоящая работа уже не казалась такой трудной и подозрительной. В розовом свете грядущее вознаграждение затмило своей величиной годовой заработок некоего Билла Г.

По телику начали показывать что-то старенькое, из приключений Индианы Джонса, и разговоры временно прекратились. На экране скакал молодой Харрисон Форд, уклоня-

ясь от огромных глыб, падающих на него с потолка пещеры, и кум сказал, тыкая пальцем куда-то в область экрана:

– За такие бабки любой дурак полезет в эту жопу, – и глубокомысленно воздел пьяные глазки к потолку. – Лично я полез бы, нефиг делать.

– Да иди ты, – откликнулся я, пытаюсь сосредоточиться на стаканах, которые к этому времени начали серьёзно интересоваться процессом клонирования. – Я никогда в жизни не согласился бы лазить по таким голимым норам, пусть мне хоть сто штук зеленыю предлагают. С моим везением мне там точно кранты!

Супруга саркастически хмыкнула, подразумевая, дескать, и за гораздо меньшую сумму я с её лёгкой руки или тяжёлой ноги полез бы и в гораздо худшее место. Возможно, она была и права. Но полез бы я туда не по собственной воле. В фильмах полные дилетанты способны просочиться к центру Земли и обратно, а в жизни хорошо обученные шахтёры мрут, точно мухи поздней осенью.

Как-то неожиданно закончился весь самогон. Поскольку мы, как всегда, находились в двух шагах от достижения полной кондиции, единогласным консилиумом (при молчаливом неодобрении супруги) было принято решение преодолеть оставшийся промежуток решительным пивным ударом. С этой целью мы выбрались под тёплый ноябрьский дождик, перемежаемый чуть менее тёплым снегом, и закупили в ближайшем ночном магазине шесть бутылок самого крепкого

пива.

Скользкие бутылки норовили покинуть непослушные пальцы, поэтому всё время приходилось перехватывать драгоценную ношу, успевая сделать пару-другую глотков становящегося всё более непонятным на вкус напитка. Костик то и дело пытался, активно помогая себе руками, рассказать мне об основных проблемах проектирования железнодорожных цистерн, а я всё время успокаивал его, спасая бутылки от последнего полёта. Внезапно кум позволил себе расслабиться и кротко засопел, привалившись спиной к мокрому стволу какой-то берёзовой осины. Как и следовало ожидать, на противоположной стороне улицы немедленно нарисовался ментовский патруль, и я, проклиная всё на свете, поволок тяжёленного алкаша к себе домой. К счастью, кум не сопротивлялся, а к несчастью, этот гад и не думал мне помогать! Как я умудрился доволочь его и ещё четыре бутылки пива до подъезда, не помню, но точно знаю: свою бутылку я прикончил.

Ключ наотрез отказался попадать в замочную скважину, видимо, сломался, поэтому пришлось как следует утопить кнопку звонка, чтобы пьяная жена сумела услышать его и доползти до двери. На пороге появилась разъярённая тигрица, чем-то отдалённо напоминающая мою супругу.

– Ты окабанел? – рывкнула она громким шёпотом. – Половина первого! Ребёнка разбудите, уроды! Где вас носило?

– Мы пиво пили, – подал голос кум, у которого вопрос, очевидно, вызвал некие смутные ассоциации в области уста-

ревшей рекламы. — Ща ещё врежем!

— Мать его звонила, — угрюмо буркнула жена, сумеречно созерцая физиономию Кости, плывущую в блаженном море нирваны, — сказала, пусть идёт домой.

— Куда ему... — развёл я руками, понимая во внезапном проблеске мысли, что на тёмных улицах пьяный кум не сумеет отыскать дорогу домой и навсегда потеряется. — Пусть остаётся.

Пока жена пыталась разместить телеса Костика на узком диване, я отправился на кухню, намереваясь допить оставшееся пиво, ибо до утра я терпеть просто не мог. К сожалению, у меня ничего не вышло. Первая же бутылка, которую я хотел прикончить, прикончила меня. Совершенно неожиданно для самого себя я уснул.

Сознание вернулось, потому что кто-то весьма злобный энергично тряс меня за плечо, принося невыносимые страдания голове, превратившейся в сосуд, наполненный огненной болью, распирающей кости черепа. Боль агрессивно пульсировала, пытаясь выбраться наружу и терпеливо ожидая того момента, когда я открою глаза, чтобы проделать этот садистский фокус.

— Вставай, просыпайся! — рычали демоны преисподней, вползая в моё ухо и терзая остатки плавящегося мозга. — Да вставай же! Опоздаешь — я тебя придушу!

Как выяснилось, в ухо мне вопили вовсе не жители геенны огненной, а существа весьма им близкие. Разлепив веки, я

сумел рассмотреть жену, полностью одетую и накрашенную. Окалив зубы, она изо всех сил терзала моё плечо, пытаясь нарушить идиллию утреннего похмелья. К моему большому сожалению, ей это удалось. Как всегда.

– Да куда ты так торопишься? – поинтересовался я, ворочая языком в лучших традициях «Иронии судьбы». – Дай мне прийти в себя. Выпить чашечку ко-офе...

– Может, тебе ещё и какаву с чаем? – Супруга ткнула мне в бок свои длинные когти. – Федька уже пятнадцать минут ждёт у подъезда и сказал, что, если через десять минут мы не выходим, он отваливает. Вот тогда-то я тебя удавлю!

– Мы выходим? – переспросил я, пытаясь засунуть распухшую голову под ледяную струю из чихающего крана. – Кто это – мы?

– Да быстрее же, мало того что ворочаешься, как ленивец, так ещё и дурацкие вопросы успеваешь задавать. – Жена волокла к дверям сумку, собранную вчера вечером, а за её спиной маячил призрак кума – опухшее после вчерашнего привидение с узкими щелями глаз. – Мы – это ты и я. Малую я на пару часов сбагрила соседке, пока не заберу твой аванс.

– Очень мило, – пробормотал я, пытаясь дрожащими руками натянуть прыгающие штаны, в то время как голова старалась перевесить тело и опрокинуть меня на пол, – аванс предназначается мне, а возмёшь его ты. Где же справедливость? Что? Сам предложил? Не помню такого, врёшь ты всё...

Слабые женские ручки с силой терминатора повернули меня и во мгновение ока привели одежду в относительный порядок, после чего под окрик «Пшшёл!» я пшшёл в прихожую, где кое-как напялил готовую к отплытию обувь. Костик всё это время подрёмывал, прислонившись лбом ко входной двери и отставив задницу так, словно надеялся на присутствие в квартире лиц нетрадиционной ориентации. Таковых, естественно, не оказалось, и его проворно выпихнули на лестничную площадку, где он и остался, тревожа утробным храпом людоеда просыпающихся соседей. Впрочем, это уже никого не интересовало. Главная цель была достигнута: я с супругой ИО буксира со сверхзвуковой скоростью перемещался вниз по ступенькам, осознавая каждую как отдельную вспышку в расплавленном желе непохмелённого мозга.

Федькина шoha, действительно, стояла около подъезда, блестя свежевывмытыми бортами омерзительно-зелёного цвета. Прямо перед моим носом распахнулась дверца, едва не расквасив означенный орган, и меня впихнули внутрь. Причём так быстро и ловко, точно работала банда опытных киднепперов. Всё продолжало происходить как в дурном похмельном сне: из серого тумана вынырнула мужская рука и пристегнула на мне ремень безопасности, после чего мир мелко затрясся и, негромко заывая, поплыл мне навстречу. Инфернальный голос Фёдора рявкнул над ухом:

– Что это он сегодня какой-то необщительный?

– Не проспался, падла, – любезно известил голос жены. –

Вчера черти кума принесли, так они на пару нализились, да так, что сегодня с трудом растолкала.

– Я сам встал, – уточнил я, с огромным трудом приподнимая две чугунные плиты, которые какие-то недоумки уложили мне на глаза. – С-сам.

– А это ничего, что он... гм... такой? – встревоженно поинтересовалась моя дражайшая половина, очевидно озабоченная состоянием моего здоровья. – Его не пошлют куда подальше?

Федька издал глухой смешок, и через похмельную пелену мне послышалось в нём нечто зловещее. Захотелось взглянуть в глаза весельчаку, но, представив последствия подобного упражнения, я с ужасом отказался от этой идеи.

– Не пошлют, – заверил он с непоколебимой уверенностью. – Какое им дело до его состояния? Главное, чтобы работу выполнял, а там пусть хоть упадёт. Да у него и время будет проспаться: ехать достаточно далеко.

– Что, так далеко? – Голос жены выдавал откровенное замешательство. – Я почему-то решила, что это где-то здесь, рядом. А куда ехать?

Очевидно, Фёдор пожал плечами или сделал какой-то другой подобный жест, потому что некоторое время я ничего не слышал. Потом он с некоторым сомнением сказал:

– Вроде куда-то в соседнюю область, но я не уверен. Хозяин высказался очень неопределённо. Та ещё рыба...

– Ты тоже едешь? – с нажимом спросила жена, не сомне-

ваясь в утвердительном ответе, и угодила пальцем в небо.

– Нет, – ответил Фёдор и снова неприятно хихикнул, – шофёры им без надобности, свои имеются, а носильщиком не хочу, натаскался в своей жизни. Там как было-то: к Сёме подвалил один крендель и давай пробивать насчёт негров. Семён послал его подальше, своей работы невпроворот. Тип этот туда-сюда, потом подошёл ко мне: найди, говорит, человека, чтобы порядочный был и бабок хотел срубить. Ну а вы постоянно ноете, дескать, денег нет, вот я и решил помочь, по-родственному.

Супруга буркнула нечто неразборчивое, но, несомненно, благодарственное. Фёдора она тоже переносила с трудом, а вот почему, до сих пор не мог понять. Видимо, есть причины, о которых она не торопится рассказывать.

– Приехали, – известил Фёдор. – Вон те три джипа – это они.

Услышав последнюю фразу, я сподобился на подвиг разлепления век и даже смог посмотреть перед собой. Сумеречное состояние рассудка не помешало мне восхититься – таких машин я ещё ни разу не видел! Огромные, точно танки, на широченных колёсах и абсолютно чёрные. Автомобили вызвали в памяти воспоминания футуристической техники из голливудских блокбастеров. Около чёрных красавцев, которым хотелось поклоняться, словно языческим идолам, стояла разношёрстная компания. Подробнее я не мог рассмотреть по причине своего слабого зрения и значительно-

го расстояния. Среди всех выделялся лишь один человек – невероятно высокий и столь же невероятно широкоплечий. Гигант вдохновенно ораторствовал перед отдельной группой людей, одетых в одинаковые дутые куртки с эмблемой жёлтого цвета на спине.

– Это вон тот громила здесь главный? – Жена и здесь то-ропилась проявить инициативу, выстреливая предложениями ещё до того, как мы выбрались из машины.

– Нет. – Фёдор заглушил двигатель и аккуратно отстегнул предохранительный ремень. – Старший – вон тот, около «гелендвагена».

Как он и сказал, совсем рядом лоснился чёрными боками холёный джипер. На противоположной от водителя стороне у открытой дверцы с кем-то беседовал по телефону мужчина среднего роста, одетый в тёмный бушлат и штаны цвета хаки, заправленные в ботинки армейского образца. Как раз когда мы покинули салон «шестёрки», он закончил свой разговор и направился в нашу сторону.

– Ради бога, – сказал я жене, придерживая её за локоть, – постой здесь, а не то они перепутают и возьмут тебя вместо меня. Будешь таскать ящики.

– Щас, – ухмыльнулась супруга. – Вали. И не забудь при-тащить аванс.

Ага! Можно подумать, у тебя забудешь. Из-под земли от-копаешь.

Тяжело вздохнув, я поплёлся вслед за Фёдором, который

решительно направлялся в сторону главного. Тот уже успел захватить взглядом нашу пару и, отстранив рукой некую личность в поношенном плаще болотного цвета, двинулся навстречу. Холодные серые глаза скользнули по лицу Фёдора и остановились на мне. Он ещё пожимал протянутую Федькой руку, а его тусклый рентген уже успел просветить меня до самых сокровенных глубин непохмелённого организма.

– Это он? – поинтересовался мужчина, протягивая и мне руку, напоминаящую при пожатии кусок полированной древесины. – Моё имя Теодор Емельянович, и я настаиваю на подобном обращении.

– Да, да, конечно, – пробормотал я, представляясь в ответ и ни на чём не настаивая. Меня терзала мысль об обещанном авансе. Как бы так ненавязчиво подвести разговор к этому вопросу, пока жена не подошла ближе? – Мне сказали, мы отправляемся немедленно, и если я вам подхожу...

– Ты поедешь на последнем. – Человек со сложным именем и отчеством указал на один из шикарных автомобилей и, запустив руку в карман бушлата, извлёк вожделенное – толстый бумажник. – Теперь к делу: насколько я понимаю, ты ожидаешь аванс?

– Полторы тысячи, – подтвердил Фёдор, облизывая губы, и внезапно побледнел, как смерть, – по-моему...

– Ах, по-твоему. – Теодор холодно усмехнулся и быстро отсчитал пятнадцать сотенных бумажек, каковые я и принял в свои дрожащие от волнения с похмелья руки. – А с тобой,

Фёдор Егорович, расчёт будет произведён чуть позже. И чуть меньше.

Мне показалось, Федька шипнул, бросив в мою сторону взгляд, наполненный откровенной злобой. Видимо, он что-то напутал в сумме аванса, который предназначался моей скромной персоне. Выходит, ему не повезло. Я аккуратно сложил пять сотен пополам, потом ещё раз пополам и спрята- л во внутренний карман, не забыв закрыть его на молнию.

В этот момент к нам подошёл тип в грязном зелёном пла- ще, которого мой новый шеф отпихнул минутой раньше. Пу- стые водянистые глаза тупо выпирали на болезненно-жёлтом лице, напоминая оптические органы среднестатистической жабы. Чёрные волосы казались париком, снятым с Петрося- на, из-за толстого слоя жира и грязи, покрывающего их. Од- на ноздря угреватого носа выглядела надорванной, а может, и была таковой. В приоткрытом рту я заметил многочислен- ные прорехи между жёлто-чёрными зубами самого мерзопа- костного вида. В общем, Брэд Питт отдыхает. Выглядел сей персонаж намного хуже, чем я, хотя по некоторым призна- кам был намного моложе.

– Брателла, я тут типа пробить по поводу зелени. – Таким базаром любят щеголять тупые малолетки, стараясь косить под крутых. – Ты чего-то тёр за штуку.

– Садись в машину. – Теодор Емельянович говорил абсо- лютно спокойно, даже не поворачивая головы в сторону но- вого собеседника и не вынимая рук из карманов бушлата. –

Если ты ещё хоть раз подойдёшь ко мне и вообще если я увижу тебя праздно шатающимся, никаких денег ты не получишь вовсе, а отправишься прямиком на ту помойку, где я тебя подобрал. Думаю, там ты довольно быстро сдохнешь от ломки.

– Спокойно, брателла, не гони волну. – Парень пытался сохранять образ крутого чувака, но голос его подвёл, взвизгнув, словно несмазанные петли. – Я типа понял.

Как только парень ретировался, Теодор опустил тяжёлый взгляд серых глаз на меня и произнёс, с явно ощутимым нажимом:

– Вы тоже должны занять своё место в машине и не выходить до отправления. Это понятно?

– Понятно, – пожал я плечами, – чего тут непонятного. Только аванс жене отдам и назад. Вон она стоит, денег ждёт.

Меня действительно ждали, причём с распростёртыми объятиями, дабы облегчить неподъёмную ношу части мирового зла, переложив её в собственный кошелёк. После этого супруга торжественно вручила мне мою сумку и, совершенно неожиданно, крепко обняла. Как ни странно, когда она поцеловала меня, я заметил на её глазах самые настоящие слёзы. Ну ладно, человек я действительно неплохой, и, возможно, меня даже вспомнят. Пару раз. Пытаясь сообразить, когда же я принесу остаток денег.

Обнимаясь с женой, я вдруг обратил внимание на приземистое серое здание за её спиной. На металлическом заборе,

окружающем продолговатую коробку дома, висела ржавая табличка: «Экспериментальная лаборатория ядерной физики». Пока я изучал длинное название, из строения выбрались четверо парней в уже виденных мной болоньевых куртках с жёлтой эмблемой и поволокли в сторону джипов грубообразный ящик со знаком радиоактивности на боку. Мозг, страдавший от депрессивно-похмельного синдрома, отметил этот факт и почти мгновенно о нём забыл, мечтая лишь об одном – скорее добраться до вожаемого кресла и, откинувшись на мягких (конечно же!) подушках, подремать.

Поэтому, попрощавшись с женой, я чуть ли не бегом направился в сторону указанной мне машины, едва не столкнувшись с высокой женщиной, поражающей как своим ростом, так и своей худобой. Лицо её напоминало топор, на синеватой поверхности которого горели два зелёных глаза, а плотно сжатые губы делали рот похожим на щёлку. Коротко стриженные волосы позволяли разглядеть кожу черепа, а каких-либо косметических средств я не заметил вовсе. Одета эта щепка была в одежду армейского образца, из-за чего я поначалу вообще не понял, кто именно передо мной, и лишь определённо женский голос расставил все точки над «i».

– Ты, козёл, смотри, куда прёшь!

– Прошу прощения, мадам, – муркнул я, пребывая не в том настроении, чтобы с кем-то (а в особенности с этой воблой) ссориться.

– Придурок, – буркнула она и, забросив за спину неболь-

шой баул, столь же тощий, как и его хозяйка, зашагала к среднему джипу.

Стало быть, она тоже едет с нами. Весьма пёстрая получается компания, однако. Чем же мы всё-таки будем заниматься? Вопрос этот, возникнув, некоторое время неподвижно висел в безвоздушном пространстве равнодушия. Распахнув дверцу джипа, я вскарабкался в огромный салон и блаженно развалился на кожаных и невероятно мягких (YES!) подушках. То, что надо несчастному, измученному пьянством организму. Сумку я зашвырнул под ноги и приготовился к долгому путешествию, во время которого пары алкоголя будут медленно покидать моё тело. Однако ожидаемая дремота не торопилась приходить, вынуждая мысли лягушками скакать по раскалённой поверхности черепа, недовольно шипя при каждом касании плавящейся кости.

О чём были эти мысли, я и сам затруднился бы сказать – какая-то мешанина, напоминающая неряшливо сделанный оливье – нечто, неразборчиво мелкое, покрытое толстым слоем майонеза.

Я продолжал страдать от непонятных похмельных фантазий, когда дверца машины распахнулась и на место водителя плюхнулся огромный парень в кожаной куртке. Гладко выбритая голова замечательно отражала красный огонёк индикатора над дверью и плавно переходила в короткую шею. Башка, определённо просящая какого-нибудь пирожка, повернулась, и мне явилась физиономия боксёра, но не того,

который прыгает на ринге, а скачущего на поводке около хозяина. Перебитый нос хрюкнул втянутым кислородом, а крохотные глазки тупо уставились на меня, пока расплющенные губы пытались изобразить некий оскал.

– Привет, браток, – сказал этот собачечеловек, и я сообразил, что его гримаса означала дружелюбный настрой, он, может, и хвостом вильнул бы, но, как мне было известно, щенков этой породы купируют в младенческом возрасте. – Чё, решил со Зверем тусануться?

Грешным делом, я подумал, будто он имеет в виду себя, уж больно всё сходилось. Поэтому я булькнул нечто неразборчиво-одобрительное, но и этого бритоголовому оказалось достаточно. Он гыгыкнул, тут же утратив ко мне даже тень интереса, и начал возиться с магнитолой, пытаясь изнасиловать её флешкой. Как только у него это получилось, я тотчас сообразил, почему несчастный аппарат столь настойчиво сопротивлялся вторжению в свою интимную жизнь. Нарочито хриплый голос затянул скорбную историю некоего братка, обиженного всем белым светом. Речь, очевидно, шла о лице нетрадиционной ориентации.

Когда эта песня сменилась другой, с не менее печальной историей, в салон автомобиля протиснулся давешний крутой парень в болотном плаще и, посапывая разодранным носом, начал осматриваться, бормоча:

– Ну это типа круто, в натуре, некисло, но я-то гонял на тачках и покруче.

Насколько я разбирался в колбасных огрызках, водить машины покруче этот парень мог разве в своих наркотических бреднях.

– Ты не устал стоять раком? – слышался голос, исполненный мощи и уверенности в своих силах. – Хотя для тебя, очевидно, это поза привычная.

Нарик было вскинулся, но тут же опал, увидев, кто к нему обращается. Следом за ним в машину протискивался, с трудом размещая широченные плечи, тот самый мужик, на которого я обратил внимание, ещё когда мы только приехали сюда. Глаза исполина казались странно живыми на высеченном из камня лице. Зрачки непрерывно перемещались из стороны в сторону, будто их обладатель всё время ожидал нападения. На лбу гиганта выделялась глубокая впадина давно зажившего шрама, и ещё один, не столь ужасный, пересекал обе губы, опускаясь на подбородок.

– Ты двигаешься? – поинтересовался мужчина и протянул вперёд ладонь, напоминающую средних размеров лопату. – Если нет, я могу тебя подвинуть.

Салон джипа был невероятно широк: я со своим средним ростом мог бы запросто лечь на сиденье не сгибая ног, однако, когда гигант расположился, всем нам стало слегка тесновато.

Бритоголовый повернулся и, радостно оскалившись, прогундосил:

– Эй, Зверюга, зашибём денжат слегка? – Он постучал

кулаками по рулю, что, очевидно, выражало крайнюю степень его щенячьего восторга. – Давно я червончик-другой не рубил!

– Заткнись, – недружелюбно откликнулся гигант, откинувшись на спинку кресла. – Засунь свой язык в задницу и помалкивай.

Из этой содержательной беседы я, однако, умудрился сделать несколько умозаключений: во-первых, Зверем звали не водителя, а этого великана; во-вторых, сумма в три тысячи баксов не была чем-то сверхъестественным, потому как остальные получали явно значительно больше, ну и последнее – некоторые из нашей пёстрой компании знали друг друга до этой радостной встречи. Сделав эти выводы, мой мозг выбросил транспарант «Перегрузка» и временно завис.

– Зверь, – не унимался бритоголовый, – а что это за крендель с тобой? Я видел, как он базарил с Утюгом, так тот к нему со всем почтением! Первый раз вижу, чтобы Утюг так стелился. Чё я подумал...

– Швед, – тяжело вздохнув, отозвался Зверь, – если ты до сих пор не понял, так я тебе поясню: деньги тебе платят за то, что ты крутишь баранку, а думать за тебя другие подписывались. Поэтому сиди и помалкивай.

Лысый обиженно хрюкнул и, закулив, выпустил в открытое окно длинную струю дыма. Но не успел он сделать и пары затяжек, как занял своё место последний член нашего автомобиля. Теодор Емельянович захлопнул дверцу и, огля-

нувшись, оценил собравшуюся компанию. Кивнув каким-то своим мыслям, он отрывисто бросил бритоголовому:

– Выключи эту дрянь и немедленно перестань курить.

– Да ты чё! – Швед так и вскинулся, подпрыгнув до потолка. – Ты за кого... У-ух! – Последнее относилось к Зверю, который, просунув руку между сиденьями, впечатал свой кулак в спину водителя, бросив того на штурвал.

Хватая воздух слюнявыми губами, лысый повернулся.

– Швед, это было последнее предупреждение, – медленно сказал гигант и, взяв водителя за лацкан куртки, притянул его к себе: – Ещё одно слово – и я просто оторву твою дурную башку. Уясни это.

Теодор всё это время сидел так, словно происходящее его никоим образом не касалось. И только когда последнее слово Зверя повисло в воздухе почти реальной дубиной, занесённой над головой водителя, Емельянович достал из кармана бушлата коротковолновый передатчик и, нажав на кнопку, сказал:

– Отправляемся.

Бритоголовый очень тихо высказал своё недовольство чьей-то матерью и нервно выбросил в окно почти целую сигарету. После этого хрип, повествующий о злосчастном побеге очередного уркагана, был грубо прерван на самой задушевной сцене, в которой то ли волк грыз беглеца, то ли наоборот. Машина почти беззвучно качнулась и плавно двинулась.

Парень в болотном плаще начал рыться в карманах своего грязного одеяния и извлёк потрескавшийся пластиковый футляр жёлтого цвета с изображением креста и полумесяца. Как выяснилось, коробочка хранила целый выводок крохотных пилюль, некоторое количество которых тут же переселилось в рот нарика. Зверь презрительно покосился на него, но промолчал. Теодор же, от которого манипуляции парня тоже не укрылись, сказал в пространство:

– Ранее курение кокаина было прерогативой исключительно аристократии, привычкой, превращённой в своеобразный ритуал, недоступный простонародному быдлу. Время многое изменило...

– В Чечне многие ширялись, – заметил нарик, блаженно улыбаясь, – а на Донбассе был полный беспредел.

– Вот только не говори, что ты был в Чечне, – хмыкнул Зверь, отворачиваясь к окну. – Мясо.

– Мы таких быстро опускали, – затряс лысый покатыми плечами в приступах хохота. – Педик, самый натуральный.

Поскольку меня никто не трогал, я предпочёл сидеть тише воды, ниже травы. Ещё не хватало, чтобы они добрались до моей скромной персоны. Нарiku же было по фигу. Он продолжал счастливо улыбаться, а в уголке его рта появился блестящий клочок слюны и медленно пополз вниз. Зрелище ещё то, особенно учитывая моё нездоровое состояние. Пытаясь удержать содержимое желудка, я отвернулся к окну и увидел в тусклом стекле отражённый блеск клинка.

– Если ты, урод, наделаешь под себя, – ласково сказал Зверь, и от его приветливости мне стало холодно, – я отрежу тебе голову. Уразумей это своей прокуренной башкой, пока она ещё на месте.

– Та не гони, чувак! – засмеялся наркоша. – Меня прёт, а тут ты со своим ножичком.

– Отключи его, – посоветовал Швед, – и забрось назад, там мешки какие-то. На кой хрен вы вообще этого говнюка взяли?

– Не твоё дело, – огрызнулся Зверь.

Я повернулся как раз в тот момент, когда кулак гиганта состыковался с подбородком нарика, после чего тот сразу превратился в труп. Ещё одно простое движение – и это трупоподобие отправилось в заднюю часть салона, где и упокоилось с миром. Окончив дело, Зверь внимательно посмотрел на меня, и я подарил ему самую беспечную улыбку, на которую только был способен.

– Сиди тихо, – сказал Зверь. – Шума здесь от тебя, конечно, меньше всего, но на всякий случай запомни: места сзади очень много.

– Всё понятно. Я просто подремлю.

Откровенно говоря, я ощущал себя не в своей тарелке. С такими резкими парнями я встречался весьма редко и старался держаться от них как можно дальше. Смотреть, как они ищут приключений на свою задницу в каком-нибудь сериале, – очень интересно, а вот самому участвовать в подоб-

ных мероприятий – прошу прощения, ошиблись адресом. Когда тебя просто так, за плохое поведение могут огреть по чайнику и уложить отдыхать в багажник, не радуют даже обещанные три штуки. То ли от продолжающегося похмелья, то ли от волнения меня начало слегка трясти, так что после того, как Зверь просверлил во мне взглядом крохотную дырочку, я с трудом сумел взять себя в руки. Естественно, ни о какой дремоте и речи быть не могло.

Закрыв глаза, я попытался успокоиться и заодно поразмыслить кое над чем весьма интересным. А именно: куда могут ехать люди, без раздумий применяющие силу при малейшем нарушении дисциплины? И самое главное: на кой чёрт им понадобился я? Неужели такой громила, как Зверь, не в состоянии самостоятельно перетащить пару ящиков, положив сэкономленные деньги в карман? Или Шведу не нужны лишние три штуки? Что-то здесь не стыковалось, а вот что, я никак не мог сообразить.

Внезапно мне очень захотелось домой. И пусть супруга пилит дни и ночи напролёт. В конце концов ей надоест, и она успокоится. Я попросил бы остановить машину, но внутри меня зрело ощущение, что эту просьбу оставят без внимания, лишив меня даже видимости свободной воли.

– Я изучил карту, – сказал Зверь деловым тоном, – по моему, стоило бы поподробнее остановиться на участке пятнадцать.

– Это где? – спросил Теодор. – Разбили на свои дурац-

кие секторы, пронумеровали... Прежние названия были куда выразительнее, да и запоминались не в пример лучше.

Послышался шелест разворачиваемой бумаги.

– Пятнадцатый участок – это здесь. – Очевидно, Зверь указывал собеседнику означенное место. – Я думаю, если обойти колонну, то можно спуститься по колодцу на шестой уровень, минуя пещеру в шестнадцатом. Колодец же сквозной?

– Иногда, – усмехнулся Теодор. – Я читал в источнике, как он периодически перекрывается какой-то мембраной. Периодичность перекрывания и характер мембраны неизвестны. Готов рискнуть – пожалуйста, но только без меня. Да, идти через зал Криков – огромный риск, но там я, по крайней мере, знаю, чего ожидать и как следует поступать.

– А было бы просто замечательно, – вздохнул Зверь и начал сворачивать карту.

Я приоткрыл один глаз: на коленях гиганта лежал пластиковый планшет, набитый стопкой аккуратно сложенных листов. Один из них был развёрнут, и я успел рассмотреть непонятный чертёж, состоящий из множества изогнутых линий, пересекающихся между собой. Видимо, план той самой пещеры, по которой мне предстояло волочить тяжеленное (а в этом я не сомневался) оборудование. Ещё я сумел различить, что карта представляла собой ксерокопию достаточно древнего документа. Возраст его я, понятное дело, не знал, однако глаз буквально цеплялся за старорусские «яти». По-

верх старого плана кто-то нанёс координатную сетку, пронумеровав квадраты.

Зверь свернул карту и положил её в планшет. После этого взглянул на меня, усмехаясь доброй улыбкой голодной белой акулы, которая после недельного воздержания встретила упитанного дайвера.

– Выспался? – спросил он. – Или любопытство замучило?

– Любопытство погубило кошку, – нравоучительно заметил Теодор. – Или, выражаясь более понятно: любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– Я, как мне кажется, тоже во всём этом участвую, – буркнул я, ощущая, как бес противоречия стучится в стену осторожности, пытаюсь вырваться наружу, – поэтому имею право знать хоть что-нибудь.

– Имеешь, – снисходительно бросил Теодор, – знай что-нибудь.

Швед по-лошадиному заржал, ёрзая на своём месте.

– Твоё дело очень маленькое, – пояснил Зверь, – держать язык за зубами, таскать барахло и лишний раз не высываться. Я просто поражаюсь, Теодор Емельянович, где вы умудрились насобирать подобных дегенератов. Будь моя воля...

Он не стал продолжать, но всё было понятно и так. Именно поэтому я ощущал, как моя неуверенность растёт с каждым километром. К счастью для меня, Швед решил поучаствовать в разговоре, внести, так сказать, посильную лепту.

Похлопывая пальцами по баранке, он обернулся, пытаясь поймать взгляд Зверя.

– Зверь, – бодро булькнул водитель, облизывая бульдожьих губы, – помнишь ту кобылу, с которой мы прошлым летом отвисали в Анталии? Ну, ты ещё сказал типа от неё пользы нет никакой, разве сифон подарит или ещё чего.

– Ну помню, – угрюмо отозвался великан. – Что с того? Ты за дорогой следи.

– Да слежу я, слежу. – Швед приходил во всё большее возбуждение. – Так вот, отвалил я этой стерве штукарь на прощание и послал её подальше. И что ты думаешь, неделю назад кто-то звонит мне на трубу, поднимаю – она. Давай тереть типа залетела от меня, и я типа торчу ей пять штук на её разбитую судьбу. Типа, если бабла не будет, она застучит о наших развлечениях моей жене! Во сука! Ну я её конкретно посылаю, а она продолжает наезжать по полной программе.

– Очень содержательная история, – тяжело вздохнув, заметил Теодор, и в этом я с ним был абсолютно согласен. – Да ещё и изложенная таким высоким штилем... Пушкин удавился бы. От зависти.

– Не го... Прошу прощения. – Швед довольно быстро учился на своих ошибках. Особенно под пристальным взглядом большого брата. – Короче, достала меня эта падла. Не приведи – стуканёт жинке – кранты и домику, и тачке; тесть – мужик серьёзный, за дочкины страдания разорвёт попу на немецкий крест. Без наркоза причём. Ну, лады, говорю, от-

валю не пять – четыре, больше нет. Слышу – аж повизгивать начала от радости. Ну подожди, думаю. Пробыл адресок, взял плёточку и айда в гости. А она уже ждёт со своим новым хахалем, когда я ей свои кровно заработанные притащу.

– По-моему, я уже слышал эту басню, – скучая, откликнулся Зверь и широко зевнул. – Это когда ты ей бутылку водки туда засунул?

– Не, – гыгыкнул лысый, очевидно вспомнив сей забавный эпизод, – то была подстилка Дятла, ну того, который держал Престиж. Он же тогда сам просил. А тут я захожу и как проторцевал заразу, она аж до стены сунулась. Ейный хахаль давай выпрыгивать, типа Брусли, пришлось и ему заехать. Потом, как ляпнулся, дал ему промеж ног, совсем притих. Ствол ей в рот засунул и спрашиваю: «Ну, сколько тебе, четыре или пять?» – Швед причмокнул от удовольствия. – Гляжу – обделалась, уже ничего не надо. Говорю: «Ну смотри, падла, это последний раз, ещё один залёт – и некого будет предупреждать».

Внезапная сонливость накатила на меня, точно каток асфальтоукладчика, и я сам не заметил, как провалился в глубокую дремоту. Поэтому окончание этой захватывающей истории для меня оказалось навсегда покрыто мраком тайны.

Как ни странно, но я даже увидел сон. Привиделся мне Фёдор, сидящий с лопатой на краю глубокой ямы. Сам я смотрел на него со дна этой самой ямы.

– Вот твои деньги, – сказал Федька и ткнул пальцем

вниз, – забирай.

Глянув под ноги, я увидел огромное количество всевозможных денег, начиная от наших, деревянных, и заканчивая какими-то мне абсолютно неизвестными. Ощущая невероятную радость, я упал на колени и начал распахивать купюры по карманам. Однако проклятые бумажки ускользали из пальцев, точно живые, и сколько я ни старался, в ладонях было пусто.

В этот момент что-то больно ударило меня по затылку. Я поднял голову и обнаружил Фёдора, всюю орудующего своим инструментом.

– Ты что делаешь?! – завопил я.

– Если хочешь большие деньги, – заметил Федька, размеренно помахивая лопатой, – то нужно оказаться глубоко под землёй.

Я попытался вскарабкаться по стенам, но края ямы стремительно унеслись вверх. Рыхлая почва осыпалась под моими пальцами, запорошив глаза. Сквозь слёзы я увидел, как клочок неба становится всё меньше и меньше. Вот он исчез вовсе, и наступила крошечная тьма. Но я был не один во мраке, какое-то неизвестное существо находилось рядом, пытаясь добраться до меня. Я начал пятиться, и вдруг чьи-то острые когти сомкнулись на моём плече, выламывая его из сустава с нечеловеческой силой. Я попытался завопить, но тут же получил ощутимый удар по губам.

– Чего орёшь, придурок? – спросил знакомый голос, и, от-

крыв глаза, я обнаружил склонившегося надо мной Зверя. – Жрать хочешь?

– А? Что? – Я никак не мог освободиться от тягостного сновидения, и поэтому его слова казались мне непонятной абракадаброй. – Жрать?

– Мы остановились около кафешки. – Тон был такой, словно обращались к дауну. – Желаящие будут есть, ням-ням, разумеешь? Должен тебе сказать, следующий раз питаться мы будем только поздно вечером, причём очень скудно. А сейчас ты можешь запихиваться, сколько влезет.

– Сколько времени? – спросил я осипшим после сна голосом.

Как выяснилось, уже половина второго. Кроме того, я обнаружил, что моё похмелье посчитало меня очень скучным спутником и решило поискать более подходящего. Видимо, на радостях желудок воспрял и настоятельно требовал заполнить его пустоту хоть чем-нибудь. Поэтому я тотчас сообразил, в чём состоит скрытая выгода сделанного мне предложения, и энергично закивал.

– Раз хочешь жрать, отрывай свою задницу и топай в кафешку, – пояснил Зверь. – Наши столики у окна. Сядешь за тот, который ближе к выходу.

Почти оторвав задницу, я кое о чём вспомнил и притормозил движение.

– А платить-то кто будет?

– О темпора, о морес, – воздел руки к потолку джипа Тео-

дор Емельянович. — Не волнуйся, на твой аванс никто не покушается и в счёт этот обед никто не поставит. Можно заказывать всё, что угодно, кроме спиртного. Сегодня вечером нам потребуются люди с трезвой головой.

Наши автомобили стояли на огороженной площадке около маленького кафе с гордым наименованием «Бригантина». Заведение было хоть и небольшим, но из тех, в которые я обычно не захожу. Из скромности. Финансовой, естественно. Этот вывод я сумел сделать, даже не переступая порог заведения. Стоило просто посмотреть на стоянку, где вольготно расположились «лексусы», «бумеры» и прочие подобные им «животные», блистающие нецарапаными боками. Около навороченного джипа стояли двое братков вполне одиозной наружности и выясняли между собой отношения. Один тыкал другого мобилой в грудь, отягощённую килограммовой цепью капитализма, а второй, разведя пальцы, сосредоточенно мотал головой из стороны в сторону.

Странное дело, в нашем некрупном селении подобных пережитков девяностых уже давненько не наблюдалось. То ли вымерли, то ли мутировали в нечто иное. А тут, гляди, живут, процветают и щеголяют давно забытым жаргоном.

Честно говоря, я абсолютно не представлял себе, в каком именно городе нахожусь. Скорость езды была очень даже ничего, посему за несколько часов мы могли оказаться чёрт знает где. Пожав плечами, я посмотрел в низкое небо, откуда лениво опускались редкие снежинки, и вошёл в кафе.

Мягкий полумрак окутал меня со всех сторон, и некоторое время я стоял неподвижно, ожидая, пока глаза привыкнут к перемене освещения. Главное заметил сразу же: зал намного больше, чем казался снаружи. Потом до меня донеслось неразборчивое бурчание, обращённое, как ни странно, ко мне.

– Эй, брателла, – прихрюкнул знакомый голос, – подваливай сюда.

Как выяснилось, про меня не забыли: знакомый плейбой в болотном плаще оживлённо махал рукой, а второй запихивал в себя невероятной величины окорок, заливая при этом плащ потоками жира. Рядом с нариком сидели ещё двое, чьих лиц я пока не мог различить. Один торопливо уничтожал пищу, опасливо поглядывая по сторонам, а второй внимательно смотрел в мою сторону. Про себя я обозвал первого обжорой, а второго – любопытным.

– Садись сюда, – нарик отложил обглоданную кость и схватил другой окорок, куда больше первого. – Главный сказал нам сидеть здесь.

– Меня зовут Сергей, – сказал любопытный, протянув мне руку.

Это был ещё молодой парень, не больше двадцати пяти лет. Коротко стриженные волосы ёжиком топорщились на круглой голове, а тёмные глаза слегка выдавались вперёд, придавая бледному лицу отдалённое сходство с какой-то рептилией.

Обжора, продолжая нависать над тарелкой, промычал нечто нечленораздельное, из чего я понял только одно – его зовут Юрой. Как ни странно (впрочем, может, совсем не странно), для своего аппетита Юра выглядел настоящим дистрофиком. Тонкая шея, по которой непрерывно елозил огромный кадык, торчала из мешковатой куртки, взятой явно от секунд-хендовских кутюр, а голова с длинными получёсаными волосами вызывала в памяти исторические фильмы об узниках концлагерей.

– Интересно, а кто ты по профессии? – поинтересовался Сергей, вяло переворачивая грибы в тарелке. – У нас уже имеется: А – один безработный, – кивок в сторону нарика, деловито помахивающего жующей головой, – Б – один учитель, – в этот раз это относилось к обжоре, – и В – один продавец, – в этот раз жест отсутствовал, всё и так было понятно.

– А ещё у вас имеется слесарь, который чрезвычайно хочет жрать, – рассеянно заметил я, перелистывая глянцевые листы меню, – чем он сейчас и займётся.

Никто не возражал. Нарик блестел от жира, запихиваясь очередным окороком (да сколько же в него влезет?!), Юра подвинул к себе одну из множества тарелок, окружающих его, и почти утонул в её белёсых недрах, а Сергей, пожав плечами, вернулся к своему неторопливому общению с грибами.

Когда первый голод оказался утолён, и я даже смог ощутить вкус поглощаемых мной блюд, мозг нехотя отключил-

ся от своего вкусового рецептора и подключился к остальным органам чувств. Вполне возможно, они смогут передать что-то не менее интересное. Люди, сидящие в зале, очевидно, являлись владельцами транспортных средств, виденных мной на стоянке. Столики у окна были заняты все до единого. За соседним с нами столом сидели четверо парней в дурых болоньевых куртках и оживлённо обсуждали, насколько мне позволил различить слух, плохое поведение какого-то детектора. Следующий предмет столовой мебели оккупировали трое крепышей, в одном из которых я опознал бритого Шведа. Его лысая башка сияла даже в полумраке тёмной кафешки. Сквозь негромкую беседу «болоньевых» учёных то и дело прорывались возгласы: «А я его как подрежу! И тут коробка полетела!» Не требовалось особого ума, чтобы догадаться, чем именно зарабатывают себе на хлеб эти трое.

Последний столик прятался в сумраке, и людей, сидящих за ним, я узнавал с огромным трудом. Лишь по исполинской фигуре (не каждый день встречаешь человека таких размеров) я смог идентифицировать Зверя, забившегося в самый тёмный угол. Тусклый луч светильника выхватывал лицо его соседа – это наш руководитель. Он что-то объяснял тощей девице, сидящей рядом так, словно ей кол в задницу вставили. Кажется, это была та вобла, которую я встретил перед самой посадкой в машину. Гладильная доска, похоже, пыталась возражать, но Теодор всякий раз останавливал её коротким подъёмом руки и продолжал говорить. Последним из

этой четвёрки был парень явно ростом с меня, но почти в два раза шире. Он что-то уверенно втолковывал Зверю, постукивая рёбрами ладоней по столу, и гигант размеренно кивал, соглашаясь со сказанным.

— Эта баба с парнем, сидящие за крайним столиком, — сказал внезапно Сергей, глядящий в ту же сторону, куда и я, — весьма неприятные личности, возможно, наёмники.

— Наёмники? — Нарик оживился, вытирая рот грязной ладонью. — Я столько наёмников знаю! Да я сам в Чечне кантовался! Ух мы там черножопым набили! У меня дома «стрингер», в натуре, лежит, из него только пару раз стрельнули.

— С чего ты взял? — спросил я, игнорируя бредовую речь обдолбыша.

— Говорят, — пожал плечами Сергей. — Одно дело — дешёвый базар о «стрингерах»...

Нарик тускло посмотрел на него, пытаясь понять, не в его ли огород камень.

— ...И совсем другое, когда люди очень тихо обсуждают, кому в последний раз недоплатили и сколько надо было сдать ушей полевому командиру, чтобы он не наколот их на бабки в следующий раз.

— Странно, почему они вообще обсуждали подобное в нашем присутствии, — оторвался от тарелки вроде бы насытившийся тощий Юрик. — У меня лично возникло ощущение, будто им плевать на нас и на то, что мы можем услышать. Как в Древнем Риме, когда хозяин выходил голым перед рабами,

не интересуясь их мнением на этот счёт.

– Ты, видимо, учитель истории? – полюбопытствовал Сергей, отправляя в рот гриб.

– Вообще-то, я предпочёл бы на «вы», – очень грустно заметил Юра, – но поскольку все остальные всё равно тыкают, нелепо обращаться именно к вам с подобной просьбой. Нет, я не учитель истории, я зоолог. Но неужели историю может знать только учитель истории?

– Честно говоря, сейчас мне на это – положить. Гораздо больше меня волнует, чем мы будем заниматься, чтобы отработать две штуки баксов.

– Две? – Нарик подозрительно посмотрел на него. – Мне пообещали только штуку! Я не понял, ты чё, типа круче, чем я? Надо пробить это с хозяином.

Было совершенно ясно, чем закончится для него подобное «пробивание», но я ничего не стал говорить: подобные полудурки не учатся даже на своих ошибках. Больше всего в этот момент меня занимала одна мысль. И даже не та, которая касалась оплаты. Хотя, судя по всему, Федька помог мне получить на тысячу больше, чем предполагалось.

Глядя на весь этот Ноев ковчег, я поделил его на три группы: четвёрка учёных, которые, видимо, должны были исследовать некую хрень; водители автомобилей и, наконец, наёмники, взятые то ли в качестве охраны, то ли с иной сходной целью. Оставалась разношёрстная четвёрка, сидящая за нашим столом. Мы не влезали ни в какие рамки. Другие объ-

единялись по профессиональному признаку, мы – нет. Те, судя по всему, знали друг друга до этого, мы – нет. Конечно, если бы я был полным дебилом, то решил бы, что нас взяли именно для того, о чём сказали, а именно: таскать оборудование. Но стоило взглянуть на нас, и эта мысль сразу показалась бы смешной. Нарик и учитель с трудом перетаскивали свои собственные тела, а мы с Сергеем хоть и были покрепче, но не смешите мои копыта! За такие бабки можно запросто нанять караван верблюдов, а не четвёрку малорослых недомерков. Как ни обидно, но следовало быть объективным. Хотя бы с собой.

В это время в двери кафе почти ввалился один из тех братьев, которые выясняли отношения на стоянке. Судя по всему, хозяин жизни был изрядно навеселе, если только подобное выражение подходило к его настроению. Тупое лицо, налившееся багровой краской, выражало непреклонное упорство в достижении неведомой, но несомненно благородной и чистой цели. Замысловатая траектория движения брата-на, чудом избежав нашего столика, привела его в стан учёных. Те же глубоко погрузились в свою беседу, и глубина их погружения не позволяла заметить появления нового персонажа, путающегося ногами в длинных полах кашемирового пальто.

Но явление это не осталось вовсе не замеченным. Несколько официантов и двое рослых здоровяков стали осторожно приближаться из глубины зала, обмениваясь вы-

разительными взглядами. За крайним столиком нашей диаспоры разговоры прекратились, и тёмные силуэты повернулись в сторону братка, раскачивающегося над столом учёных, словно лукоморский дуб в сильную бурю. Впрочем, в крайних точках он ничем не отличался от Пизанской башни. Наконец несчастный не выдержал наглого игнорирования своей персоны, и его огромный кулак обрушился на столешницу, отчего часть посуды тут же сиганула под стол.

– Чё, педики! – завопил поборник культурного общения и ухватил крайнего парня за руку, приподнимая его со стула. – Давно вас не трахали?! А ну, поворачивайся!

Однако лицезреть требуемое нам было не суждено. Худосочная вобла уже оказалась на ногах и решительно направилась в сторону инцидента, легко перебирая циркулеобразными конечностями. Как ни странно, но никто из сидящих за её столиком не пожелал оказать женщине посильную помощь. Швед злорадно прошипел друзьям-водителям какую-то короткую фразу, и все трое громко расхохотались. Происходило нечто непонятное.

– Эй, хрен собачий, – сказала доска, приблизившись к братку на предельно допустимое расстояние, – хочешь что-то сказать – скажи это мне.

Тупая физиономия бультерьера в пальто уставилась на неё, а лапища отпустила руку «болоньевого» учёного, отчего тот без помех опустился на своё место, потирая пострадавшую конечность. Братан стоял, ворочая приплюснутой голо-

вой на короткой шее, и ржавые шестерёнки его мозга ворочались с таким скрежетом, что уши закладывало. Тощая баба, напротив, вела себя так, словно ничего сверхъестественного не происходило: просто подошла поинтересоваться, сколько градусов ниже нуля, как пройти в библиотеку и где, в конце концов, бабуля? На её физиономии появилась ухмылка, которую любой неуч, отдалённо информированный о существовании такой вещи, как психология, мог характеризовать как презрительную. Рефлексы брата с лёгким запозданием подсказали ему: на него, в натуре, наезжают, поэтому следует показать, кто тут дочь вождя. Он глухо заревел.

– Ты чё, сука? – спросил он, пытаясь ухватить женщину за ворот армейской куртки. – Ты типа врубаешься, чё творишь?

В следующую секунду крикун уже лежал на полу, хоть я так и не понял, как это было проделано. В своё время я ходил в школу айкидо, но, не почерпнув ни фига, покинул её через полтора года. Так вот, даже наш сэнсэй никогда ничего подобного не показывал. Выглядело это так: братан вытянул вперёд клешню, от волнения позабыв растопырить пальцы, и безмолвно рухнул на пол, скорчившись в позе зародыша. Тощая рыбообразная баба как ни в чём не бывало уже повернулась и пошла к своему месту. Примечательной, кстати, оказалась и реакция столиков: мы с учёными тихо офигевали от показанного фокуса, а остальные... Швед, подпрыгивая на стуле, что-то рассказывал своим коллегам, и, судя по хохоту, это был анекдот. Теодор Емельянович водил золоти-

стым карандашом по листу бумаги, лежащему перед ним, и компания внимала каждому его жесту.

Крепкие парни, из тех, которые собирались вмешаться в разборку, подхватили лежащего братана и с явным усилием поволокли его в сторону тёмной драпировки, за которой, видимо, скрывался запасной выход. Как я заметил, немногочисленные посетители начали спешно заканчивать трапезу и едва ли не бегом покидать кафешку, бросая в нашу сторону встревоженно-любопытные взгляды.

– Эта женщина, – сказал Юрий, нервно потирая ладонями отвисшие уши, – не вызывает у меня никаких чувств, кроме страха. Когда они говорили об отрезанных ушах – мороз драл по коже, честное слово. Будто это не человек, а боевая машина.

– Быстро она его, – покачал головой Сергей. – В своё время хозяин моей точки нанял себе здорового жлоба, для охраны, говорил, вроде на него наезжают. Тот, конечно, был крутым парнем: кирпичи ломал руками, доски колот об лоб, ну и тому подобное. Но мне кажется, он этой швабре и в подмётки не годится.

– М-да, – промычал я, – если и остальные такое вытворяют, похоже, мы едем на войну.

– Круто, – отрыгнул нарик, сосредоточенно рассуждая о судьбе единственного уцелевшего окорочка в своей тарелке. – Я тоже типа так могу. В натуре, могу с одного удара свалить любого. Мы, конкретно, в Чечне учились, типа, у

японца. Ниндзя, в натуре. Так он нам показал, как любого уделать.

Очевидно, поток подобной бредятины мог извергаться из него бесконечно, благо обдолбанный мозг не принимал в процессе никакого участия. Жаль, но имелся риск к концу путешествия начать щеголять шикарными словесами: «типа» и «в натуре». Всякая словесная ерунда, как я заметил, к сожалению, быстрее всего оседает в оперативной памяти мозга, торопясь извергнуться наружу.

В зал заглянул кореш удалённого с поля братана и недоумённо оглядел зал, пытаясь отыскать драгоценную пропажу. Не обнаружив искомого, он тупо потоптался в дверях и вывалился наружу. Однако всем было ясно: инцидент далёко не исчерпан, повелители мгновений чётко блюли свои понятия чести (или просто понятия), и посему происшествие ожидало некое продолжение. Лучше всего это понимал наш руководитель. Буркнув нечто повелительное, он поднялся и направился к выходу. Следом тотчас потянулись водители, дутыши и тощая вышибала со своим приятелем – по сравнению с ней коротышкой. Зверь задержался, отсчитывая подскочившему официанту несколько купюр из пухлого бумажника, а после подошёл к нам. Оглядев нашу компанию, он что-то пробормотал себе под нос и после, весьма разборчиво, произнёс:

– А вы, как я понимаю, собираетесь дожидаться ужина? – Он оскалил крепкие белые зубы, среди которых блес-

нул один золотой. – Хватит жрать, обеденное время кончилось, быстро по машинам. Если кто-то отстанет, никто его ждать не станет.

Выплюнув всё это в наши внимательные лица, он повернулся, оставив нас спешно подниматься из-за стола.

– Всю жизнь приходится куда-то торопиться, – вздохнул Юра, пытаясь расправить рукав своей ветхой одежки, – кому-то подчиняться, терпеть унижения...

– Такова жизнь, – глубокомысленно заметил Сергей и достал пачку «Примы». – Как мне сказал один умный человек, мы или подчиняемся правилам существующей игры, или оказываемся вне игры. Попросту – в жопе.

– У меня такое ощущение, – мрачно высказался я, пребывая в самом отвратительном расположении духа, – будто мы направляемся напрямик в это самое место. Так сказать, следующая остановка – задница.

– Та не гони, брателла, – нарик, напротив, испытывал полную эйфорию, облизывая свои лоснящиеся пальцы, – всё будет тип-топ. В натуре, скоро мы отхватим малёхо денжат и типа в кабак! Конкретно нагрузимся – в отруб. Клёво!

– Я лично собираю деньги на квартиру, – поёжился Юрик перед выходом на улицу. – Честно говоря, до крайней степени утомлён совместным проживанием с тёщей. Сушная мегера, день и ночь пилит меня, что я не приношу домой нормальных денег. Доходит до полного маразма: старая ведьма подговаривает жену развестись со мной и даже пытается най-

ти ей богатого любовника.

– Стерва, – коротко бросил Серёга, закуривая. – Мне такая фигня знакома. Мы с моей именно из-за этого не ужились. Были бы бабки – не пожалел бы на киллера. Даже сейчас иногда с трудом сдерживаюсь, чтобы не навестить старую падлу.

– Ля, у вас напряг! – Нарик достал знакомую мне коробку и подзаправился. – Надо уметь расслабляться – и всё будет класс.

– А ты чего всё время молчишь? – поинтересовался у меня Сергей, выходя из состояния глубокой задумчивости. – Жизнь удалась? Или нечего сказать?

– Настоящему мужчине всегда есть что сказать, – нарика затрясло в приступе заторможенного смеха, – если он только настоящий мужчина.

– Настроение говённое, – пробормотал я, надвигая на лоб капюшон и пытаюсь укрыться от назойливых снежинок, подхваченных порывом холодного ветра, – да и не люблю я трепаться до того, как всё кончится.

– Сглазить боишься? – понимающе кивнул Серёга. – У меня тоже такое есть. Как кто ляпнет заранее – аллес, не видать удачи.

– Какого хрена вы там тормозите?! – крикнул Зверь, высовывая голову в окно джипа. – А ну, быстро по машинам!

Но при посадке случилась заминка: когда около двери я начал пропускать нарика вперёд, он завопил, дескать, поедет

у окна, а не то мне хана. Я уже собирался уступить, когда в открытую дверцу высунулся взбешённый Зверь и, ухватив протестующего парня за шиворот, втащил его внутрь, встряхивая, точно нашкодившего щенка. Щенок, ощутив силу хватки, притих и не сопротивлялся. Посему я спокойно занял своё место и забился в самый угол, наблюдая за воспитательной работой, которую проводил Зверь со скандалом.

– Ты, ублюдок, ещё права мне собираешься качать? – Возникло ощущение, будто гигант вот-вот удавит убогого. – Я тебе сейчас прочитаю все твои права и обязанности. Ты имеешь право заткнуться и сидеть тихо, как петух у параши! А если ты не знаешь, как это делается, – я отдам тебя Шведу, и он по-быстрому сыграет свадьбу. Швед, поехали! Какого чёрта тянешь?!

Машина тронулась, и сквозь лобовое стекло я увидел другие автомобили, успевшие отъехать достаточно далеко.

Как выяснилось, мы находились на самой окраине селения, и высотные дома почти сразу сменились небольшими строениями пригорода. Не прошло и пяти минут, а мы уже мчались среди необъятных полей, тронутых сединой редкого снега.

К сожалению, я слишком поздно вспомнил о своём намерении узнать название посещённого городка и, обернувшись, увидел лишь размытый расстоянием знак, исчезающий за изгибом дороги.

– А что это хоть за город-то был? – не удержался я от вопроса в стремлении утолить своё любопытство.

– Мухосранск, – буркнул Зверь, оставив в покое обезумевшего от ужаса нарика. – Для тебя это не имеет ни малейшего значения.

Пришлось удовлетвориться этим ответом, поскольку никто другой отвечать не собирался. Спать больше не хотелось, разговаривать было не с кем: одни не хотели общаться со мной, с другими не хотел общаться я. Оставалось тупо пялиться в окно, наблюдая за однообразным пейзажем размытых дождями полей. Изредка на горизонте мелькали полосы лесных насаждений, слегка оживляя тоскливую картину осеннего бездорожья. Машин навстречу попадалось весьма и весьма немного, причём подавляющее большинство носило деревенско-раздолбанный характер. Ко всему прочему качество дороги начало резко ухудшаться, поэтому даже наши суперавтомобили перешли с размеренного покачивания на мелкую дрожь. По-моему, мы всё дальше забирались в какую-то невероятную глухомань. Вот только где именно находятся эти богом забытые места, я никак не мог понять. Ни единого мало-мальски заметного ориентира я так и не заметил, и даже солнце предпочитало скрываться в облачной пелене, не позволяя узнать хотя бы направление нашего движения.

– Нормально Вобла уделала того лоха! – внезапно выпалил Швед, желание которого потрепать языком буквально

раздирало на части. – Я, конечно, знаю, ей палец в рот не клади, но чтобы с одного удара такого кабана... Хотя я до сих пор вспоминаю, как она работала в бойлерной с теми азерами.

– Когда ты её из брандспойта окатил? – хмуро спросил Зверь. – Временами мне кажется, будто у неё не все дома. Я как-то был у неё в гостях и сдуру полез в бар...

– А, это ты насчёт черепов? – Швед гулко захохотал, покачивая головой. – Психованная, собирает головы, варит их, а потом сушит! Чокнутая стерва!

– У меня тоже был один такой знакомый, – подключился к разговору Теодор Емельянович, – капитан. Так он был одержим идеей делать из вражеских офицеров чучелы, причём звание должно было быть не ниже его собственного. Он собирался ставить эти, так сказать, изделия в прихожей вместо подставок под зонтики и шляпы. Мило, не правда ли? Видимо, ненормального стоило отправить в дом умалишённых, но в штабе его чрезвычайно ценили, поэтому смотрели на подобные шалости сквозь пальцы.

– Ну и как, у него получилось? – давясь смехом, хрюкнул Швед.

– К сожалению, для него – нет, – покачал головой Теодор. – Во время одного из заданий ему отрезали голову.

– У вас, гэбэшников, много таких, чокнутых, – опять захохотал лысый, и Емельянович, взиравший на него поджав губы, изумлённо приподнял брови. – У меня тоже был зна-

комый, который работал у вас, в комитете, раньше. Добрый такой старичок, ласковый... Педик старый, приглашал к себе домой мальчиков, поил их какой-то дрянью и сношал во все дыры. Говорил, типа привык к этому, когда работал у черножопых. Утюг его крыл, потому что пердун имел выход на азиатских толкачей. Потом дедуля впал в полный маразм и собрался идти сдаваться. Пришлось его завалить.

– Я работал в ГБ? – спросил Теодор у Зверя, и тот молча пожал плечами. – Как много можно узнать о себе нового и интересного.

– Эт чё ещё за ботва? – спросил Швед, всматриваясь в зеркальце заднего вида. – Ещё и сигналият, козлы.

Действительно, откуда-то сзади доносились вопли клаксонов, словно нас догонял свадебный кортеж. Оглянувшись, я увидел два джипа, преследующие нас на огромной скорости, причём ведущая машина показалась мне очень знакомой. И не только мне.

– Узнаёшь? – спросил у Шведа Зверь, точно так же, как и я, разглядывая преследователей. – Тачка тех лохов, одного из которых уделала Вобла в кабаке. Очень настойчивые ребята.

– Хотят забить стрелу? – рассмеялся водитель. – Тогда мы – это то, что им нужно.

– А ну, подвинься, – бросил Зверь наряду и, отодвинув его мощным плечом, запустил руку в хвостовую часть машины, откуда достал массивный баул типа «мечта оккупанта», который так обожают туристы. Какие-то угловатые предме-

ты, вроде клюшек для гольфа, оттопыривали ткань сумки. – Швед, ты что-нибудь имеешь при себе?

– Лишний хрен заднице не помеха, – пожал плечами лысый водитель, – особенно если собираешься тереть со всякими отморозками.

– Как я понимаю, намечается грубый вариант? – поинтересовался Теодор. – Ну, добро, будь по-вашему. – Он достал передатчик. – Заодно проверим готовность наших людей к нештатным ситуациям.

Пока Емельянович что-то вполголоса объяснял передатчику, Зверь открыл позвякивающий баул и потянул к себе гладкую рукоять. До этого я слегка заторможенно наблюдал за переговорами попутчиков, не совсем понимая, к чему идёт дело, и лишь в этот момент до меня дошло окончательно. Зверь аккуратно вставил в короткоствольный автомат обойму и легко передёрнул затвор. Стало быть, намечалась стрельба. Сердце мгновенно рухнуло в глубокую яму и теперь слабо трепыхалось на дне, затрудняя дыхание.

Открыв рот, я смотрел, как первый «калашников» перекочевал к Шведу, продолжавшему вести машину одной рукой. Второй автомат отправился к Теодору, взявшему его так небрежно, словно это был всего лишь муляж. Достав третье оружие, Зверь бросил взгляд на меня, потом на соседа и, тяжело вздохнув, закрыл молнию на сумке. Никакого чувства обиды я не испытал – одно облегчение. Слава богу, мне не придётся лезть под пули!

Два преследующих нас джипа пронесли мимо и, обогнав головную машину, резко затормозили, перекрыв дорогу. Водители сильно рисковали: если бы скорость наших автомобилей была немного выше, их тачки могли бы пострадать. Впрочем, судя по всему, преследователям было наплевать на подобные мелочи. Теодор отдал команду, и наши джипы остановились, выстроившись в одну линию.

Из автомобилей, преградивших путь, выбрались рослые парни в пальто из тускло блестящей кожи и кашемира. Среди них я сразу узнал братка, нокаутированного Воблой в кафе. На его багровой физиономии красовались тёмные очки, а пухлые губы кривились в усмешке. В руке он держал пистолет. Из шести «бригадовцев» оружие было у четверых – два пистолета, автомат и помповое ружьё. Судя по той небрежности, с которой они держали средства самообороны, братки намеревались типа побазарить. К большому для них сожалению, с нашей стороны никто такого намерения не имел.

– Стрелять на поражение, – скомандовал Теодор в передатчик. – Сразу же, как только выберетесь из машин.

Чувство реальности происходящего изменило мне: я просто смотрел очередной сериал из жизни крутых, только в неведомой глубинке. По экрану телевизора забарабанил мелкий дождик, превращаясь в размытые водяные пятна, медленно ползущие вниз. Рядом крутил головой, позабыв прикрыть рот, наркоман в грязном плаще, а люди с автоматами открывали дверцы машины. Съёмка эпизода, видимо,

шла в рапиде, поскольку люди двигались очень медленно. Один из братков, приехавших на разборку, так же медленно шагал в нашу сторону, сутулясь под морозящим дождём и пряча руки в карманах пальто. Прелюдия всё тянулась и тянулась, напоминая уже не замедленный эпизод, а какое-то кошмарное сновидение. Сердце на дне зловонной ямы растворилось в тошнотворной луже страха, и мне захотелось ударить кулаками по тусклому стеклу реальности, чтобы расколотить его вдребезги и вырваться наружу. Выпустите меня! Я хочу проснуться!

В отличие от завязки развитие сюжета происходило с такой скоростью, что я с трудом успевал ловить сменяющиеся кадры. Дверцы трёх джипов распахнулись, выпустив наружу семёрку вооружённых автоматами людей. Братки продолжали неподвижно стоять, недоумённо взирая на это непонятное им зрелище. Обиженный братан успел поднять свободную руку и растопырить пальцы, унизанные гирляндами тяжёлых гаек. Звонкие удары казались непонятным лязгом металла. Люди падали на дорогу, словно куклы, которых неведомый шутник сбросил с неба. Если они умирали, то делали это крайне неестественно. Станиславский, увидев такое, закричал бы в негодовании своё знаменитое: «Не верю!»

Не прошло и полминуты, а все братаны уже лежали на грязном асфальте.

Один из джипов выпустил струю чёрного дыма и попытался дёрнуться, но подскочившая Вобла вогнала в приоткры-

тую дверь короткую очередь. Судя по всему, и последнему «стрелочнику» пришёл кирдык. Наши бойцы неторопливо шагали между трупов, внимательно всматриваясь в мёртвые лица. Приятель Воблы остановился и одиночным выстрелом прекратил едва заметную судорогу одного из лежащих.

– Хана, – коротко сказал нарик, шумно сглатывая слюну.

Вдруг в открытой двери появилась физиономия взбешённого Зверя.

– Вам что, вашу мать, особое приглашение надо?! – рявкнул он и выдернул меня наружу под короткие уколы холодных дождинок. – А ну, бегом жмуrows таскать! Или, может, я их сам должен перетаскивать?!

События приобретали совсем неприятный оборот: с трудом поднимая заплетающиеся ноги, я захромал к лежащим в грязи телам, от которых в кювет медленно стекали ярко-красные полосы. Юрик и Серёга уже были здесь: схватив покойного братана за руки за ноги, они впихивали промокший труп в один из джипов. На лице Юры застыло тихое отчаяние. Сергей, повернув лицо ко мне, едва слышно матюгнулся. На большее он не решился, покосившись на одного из водил с автоматом на изготовку, стоявшего рядом.

– Ну, потащили? – деловито осведомился нарик, остановившись около покойничка.

Взглянув в стекленеющие глаза мертвеца, я ощутил сосущее чувство в животе, но делать было нечего, приходилось подчиняться. Ухватив труп за лодыжки около дорогих ту-

фель, измазанных грязью, я с трудом приподнял тяжёлое тело. Наркоман, дыша, как накуренный паровоз, топал сзади, бормоча нечто неразборчиво-неприличное.

Труп мы кое-как уложили на пол машины, и, пока нарик, посапывая, выбирался наружу, я успел прихватить кое-что любопытное, а именно: тяжёлый тупоносый пистолет, выпавший из кармана кожаного пальто. Его я тотчас сунул за пояс джинсов и огляделся – никто не успел заметить мою находку? Вроде никто – Швед махал рукой, дескать, быстрее, а больше никому до нас не было никакого дела. Подстёгиваемый сокрушительными ударами сердца, я едва не вылетел наружу. Удары ледяных дождинок перестали меня раздражать, а все мысли занимал только тяжёлый предмет, оттягивающий пояс.

Иметь оружие, как мне кажется, сокровенное желание каждого индивидуума, носящего штаны и бреющего физиономию. К сожалению, это желание вступает в определённое противоречие с некоторыми статьями Уголовного кодекса, за соблюдением которых следят люди, имеющие оружие. Жуткая несправедливость!

Остальные тела мы загрузили так быстро, что единственное, сохранившееся в памяти, – ловкость, с которой нарик содрал золотой браслет с мощной руки одного из покойников. Чувствовался профессионализм.

– А ну, валите отсюда! – скомандовал Швед и, отдав автомат Зверю, полез за руль осиротевшей машины.

Два джипа, доверху набитые покойниками, съехали на обочину. Вряд ли кто-то подойдёт к этим крутым тачкам и поинтересуется, чем конкретно заняты их хозяева. А когда содержимое летучих голландцев будет обнаружено, отыскать убийц окажется очень непросто. Такие мысли приходили мне в голову, пока я занимал место в уютном салоне, нервно поглаживая пистолет, упирающийся в бедро. Единственное, чего я сейчас опасался, так это что смертоносная машинка может сама по себе бабахнуть, продырявив ногу. Зато в игре появился никем не учтённый фактор, который я мог использовать для самозащиты. Если только успею... С братами расправились очень быстро. Никто не пытался поговорить, объясниться, извиниться, в конце концов. Щелчок затвора – треск автоматов. Вот и весь разговор.

От всего этого становилось не по себе. Особенно когда я попытался ответить себе на один простой вопрос: на кой хрен в научной экспедиции столько автоматического оружия и людей, способных его применять? Какова цель поездки, если для её достижения можно, ничтоже сумняшеся, прикончить семь человек?

Вопросы эти в одночасье вылетели из моей головы, когда Зверь, пофыркивая, словно морж, заполз в кабину и подвинул нарика ко мне. Следом занял место Теодор Емельянович. Как я заметил, своё оружие он отдал гиганту ещё снаружи и теперь тщательно протирал руки чистым белым платком. Должно быть, платок был пропитан одеколоном, так как

по салону плыли волны какого-то терпкого запаха. Осматривая идеально чистые руки, Теодор недовольно ворчал:

– Всё это – грязь. Ненавижу участвовать в избииении младенцев, а эти ребята – сущие телята или, по вашим определениям, лохи.

– Никто не спорит, – равнодушно пожал плечами Зверь, укладывая оружие в баул. – Скорее всего, сынки каких-нибудь мухосранских шишек. Привыкли кататься на тачках, потрахивать своих шлюшек и бить мордасы всем, кому ни попадя. Провинция, одним словом.

– Наша стерва всё-таки успела отрезать парочку ушей, – восторженно сообщил Швед, плюхнувшись на своё место. – Вылажу из тачки, глядь: а у одного жмура уже чего-то не хватает. Когда только успела?

– Эти наклонности... – недовольно поморщился Теодор. – Поехали. Мне хотелось бы успеть до заката, а времени осталось в обрез.

– Какая разница? – Зверь покачнулся, когда джип рванул вперёд. – Там-то всё равно, день или ночь.

– Прежде чем угодить туда, – Емельянович особо выделил последнее слово, – нам предстоит удалить полтора метра слежавшейся мокрой почвы. Если не успеем засветло, придётся работать при свете фар.

– А сколько осталось до места-то? – Уши Шведа, подобно локаторам, поворачивались из стороны в сторону, улавливая каждое слово.

Теодор зашелестел бумагой, а Зверь, наклонившись вперёд, начал давать ему советы, но так тихо, что я ничего не мог разобрать. Наконец они сошлись во мнении, определив искомое расстояние в семьдесят километров. Судя по спидометру, скорость держалась на уровне полутора сотен, поэтому ехать оставалось не так уж и долго.

Непроизвольно поглаживая спрятанный пистолет, я пытался представить себе то место, куда мы едем. Почему-то понятие «пещеры» вызывало у меня образ подпирающих небеса скал, у подножия которых чернели отверстия, ведущие в неизведанные глубины. В общем, некое подобие Морийского царства.

В чём-то я оказался прав.

– Есть какие-нибудь особые приметы? – спросил Зверь после долгого молчания. – А то как бы не пришлось увязнуть в этой глухомани надолго.

К этому моменту мы успели свернуть с относительно пристойной дороги на просёлочный тракт, представлявший собой невообразимое месиво из грязи и каких-то булыжников. Пожалуй, здесь могли пройти только танки, да ещё, может, машины, подобные нашим. Даже эти сверхмощные джипы временами бесполезно ворочались в потоках жидкой грязи, пытаясь вырваться из липкого плена. Стеклоочистители работали на пределе, с трудом удаляя грязевые наплёпки с лобового стекла. Швед непрерывно матерился и скрипел зубами. Его лысина стала багровой.

– Не совсем приметы, – Емельянович оставался спокоен, – скорее ощущения. Каждый, кто хоть раз побывал там, всегда чувствует приближение к порталу. Это – как зуд внутри тебя. Обычно он слаб и практически не ощущается, но чем ближе врата, тем мощнее становится. Он становится всё сильнее и исчезает только в точке врат.

Слова, которые он произносил, становились всё более плавными и напевными, точно он засыпал. Потом его левая рука медленно поднялась, чтобы резко обрушиться на плечо яростно пыхтящего Шведа. От неожиданности тот нажал на тормоз, и джип, клюнув носом, остановился.

– Здесь, – сказал Теодор и некоторое время сидел молча, рассматривая ничем не примечательный участок абсолютно голого поля. Другие машины, уехавшие было вперёд, тоже остановились и начали сдавать назад. Их колёса утопали в грязи едва ли не по верхние края дисков. Когда двигатели заглохли, наступила полная тишина. Прекратился даже дождь, барабанивший по крыше, а быстрый ветер начал разгонять пелену туч, сковывающих тёмно-синее небо.

– Ну и? – спросил Швед, вытягивая короткую шею и ворочая круглой головой, очевидно в попытке разглядеть хоть что-нибудь. – Ни хрена тут нет.

Вместо ответа Теодор открыл дверцу машины и некоторое время сидел без движения. Как я заметил, его тонкие ноздри жадно втягивали холодный воздух, точно он пытался уловить некий, хорошо знакомый ему запах, приносимый

промозглым ноябрьским ветром. Потом руководитель поднял правую руку и негромко приказал:

– Дай мне лозу.

– А как же тот зуд, о котором ты говорил? – поинтересовался Зверь, извлекая из-за пазухи нечто тонкое и блестящее, похожее на скрученную проволоку.

– Так вернее. Иначе мне придётся очень долго блуждать по этой грязи, отыскивая нужную точку, а времени у нас в обрез.

– Может, стоит тогда выпустить нашу учёную братву? – Проволока переключалась в руки Теодора, и тот начал изгибать её, превращая в диковинное подобие бабочки. – Пусть начинают отрабатывать свои деньги.

– Если бы я ещё знал, какую именно вещь им нужно искать. – Емельянович выбрался наружу и направился напрямик в чистое поле, поворачивая из стороны в сторону своё загадочное приспособление. – Впрочем, пусть достанут какие-нибудь приборы, фон снимут, что ли...

Зверь легко вымахнул из джипа и направился к автомобилю, где, очевидно, располагались болоньевые дутыши. Не прошло и минуты, а учёные уже начали вытаскивать из машины какие-то ящички, подключая их друг к другу многочисленными проводами. Один учёный умело устанавливал треногу, на конце которой ослепительно сверкала серебристая тарелка антенны, уставившаяся в стремительно темнеющее небо, уже пробитое множеством ярких звёзд.

Но моё внимание было поглощено не этой суматохой, а одинокой фигурой в чёрном бушлате, медленно бредущей по полю. Казалось, человек не имел определённой цели и блуждал по случайной траектории. Так вдребезги пьяный пытается добраться домой по короткой, но очень широкой дороге. Проволочное кружево в приподнятых руках казалось странно живым. Присмотревшись, я понял почему: оно непрерывно двигалось из стороны в сторону, мелко вибрируя.

– Курануть бы, – тоскливо протянули у моего уха, и я отвлёкся, взглянув на нарика, тоскливо уставившегося в опустевшую коробочку. – Ща как дунул бы, да так, чтобы крышу вырвало! На прошлой неделе кореша план привезли – Кубанский! Рубит на раз! Жалко лавэ нету, а то купил бы нефиг делать.

Очередной бред, не имеющий ни начала, ни конца. Я отвернулся от грезящего наркомана и увидел кое-что интересное: лоза в руках Теодора превратилась в нечто полупрозрачное, размытое от скорости и с оглушительным свистом улетела в тёмное небо. Емельянович покачнулся, но сумел сохранить равновесие, сделав лёгкий взмах обеими руками. Зверь уже бежал к нему, а за ним неслись учёные, волоча какие-то ящики, ошетилившиеся уродливыми микрофонами. До нас донеслись возбуждённые крики охотников, напавших на след долгожданной добычи.

– По-моему, нашли, – сказал я, помимо своей воли ощущая возбуждение. Наконец-то я увижу цель нашего путеше-

ствия.

– А мне до задницы, – сказал нарик, но тем не менее тоже уставился в ту сторону, где группа людей что-то горячо обсуждала. – Мне лишь бы лавэ быстрее отвалили. Я тогда сразу накуплю себе дури побольше и как заторчу! Уже скоро! Я уже макли набил с нужными барыгами, отменную дурь должны привезти!

Отчасти из любопытства, отчасти из-за того, что этот вздор достал меня до крайности, я выбрался из машины и пошёл в сторону полевого консилиума. Внезапно кто-то сильно дёрнул меня за рукав куртки, едва не оторвав его напроочь. Как выяснилось, это был Швед с двумя лопатами в руках. Одну он, не говоря ни слова, вручил мне, а второй, судя по всему, собирался воспользоваться сам. По крайней мере, физиономия его выражала лишь крайнюю степень недовольства. Такого, какое и должна отражать морда лица человека, которому предстоит ковырять лопатой в мокрой слежавшейся земле. Следом ковылял нарик, недоумённо разглядывая инструмент в своих руках. Этот гробокопатель выглядел так, словно видел сие садо-огородное приспособление первый раз в жизни.

Неожиданно стало очень тесно, потому что на узком пространстве грязевого пятачка, вытоптанного ногами десятка людей, злые индивидуумы с лопатами в руках начали остервенело вгрызаться в тело земли. Со всех сторон доносились громкие команды и ещё более громкие ругательства.

Нам предстояло разрыть участок трёх метров в диаметре и глубиной не менее полутора метров. Это был тихий ужас, заполненный тяжёлым дыханием, ледяным ветром, забирающимся под куртку, и водопадом холодной воды, вновь хлынувшей с неба. Со стороны эта картина должна была очень напоминать ускоренное воспроизведение давнего клипа Сергея Галанина, в котором несколько психопатов за чем-то роют яму в пустынном месте.

Я не обращал внимания на темноту, окутавшую нашу компанию, пытаюсь удержаться на ногах в потоках плещущей грязи, и при этом заставить непокорную лопату выполнять возложенную на неё работу. На какой-то период в нашей компании самым употребительным стало короткое словечко, обозначающее девицу лёгкого поведения. Оно произносилось непрерывно, слившись в единое непристойное бормотание. Будь земля посуше, мы уже давно прорыли бы тоннель к самому центру планеты, а сейчас просто бесполезно топтались на дне неглубокого грязевого бассейна.

Люди, оружие вокруг меня, временами поскальзывались и падали в мутную жижу, поднимая фонтаны брызг. И вообще попытка устоять на ногах отнимала намного больше сил, чем сама работа. Некоторое время мне удавалось сохранять вертикальное положение, пока какие-то грязевые боги не решили, что незачем делать для кого-либо подобные уступки. Обе мои ноги одновременно поехали вперёд, в то время как задница, засомневавшись в компетенции Ньютона, решила

проверить действие закона всемирного тяготения на практике. Короче, я упал в жидкую грязь, холодную, словно лёд. Едва не захлебнувшись, я ощутил под своей пятой точкой какую-то твёрдую хрень вроде камня. Кто-то, стоявший рядом, автоматически воткнул обросший комьями грязи штык лопаты рядом с моей головой.

– Мать твою! – прохрипел я, выныривая из грязи и отплёвываясь. – Ты чё, не видишь, на фиг, куда втыкаешь?!

Но меня никто не слушал: стук о твёрдую поверхность услышали все копатели и в свете автомобильных фар (когда они успели поставить джипы вокруг ямы?) в лужу воткнули длинный гофрированный хобот, содрогающийся от натужного рёва. Насос оказался весьма мощной штукой, и, пока я вылезал из ямы (честно говоря, оказавшийся рядом Зверь просто выбросил меня наружу, ухватив грязной лапищей за капюшон куртки), машина успела высосать половину слякоти.

Выбравшись на твёрдую поверхность, я огляделся, попытавшись привести себя хотя бы в относительный порядок. Оказалось, вся наша группа выглядит точно так же, напоминая бурых грязевых снеговиков. Единственным чистым человеком во всей компании остался Теодор Емельянович, замерший в свете фар, словно ангел в окружении демонов. Он поднял руку и посмотрел на циферблат массивных часов, после чего на его физиономии появилась довольная усмешка – стало быть, всё шло по плану.

У меня тоже всё было о'кей – пистолет лежал на своём месте, оставшись единственным фактором, который в это отвратительное время продолжал согревать мне душу.

Кто-то подошёл ко мне и что-то спросил. Помотав головой, я с некоторым трудом привёл мысли в порядок и посмотрел на Серёгу, грязевые полосы на лице которого весьма напоминали боевую раскраску коммандос.

– Чё ты спросил? – поинтересовался я, стряхивая с ушей комья застывающей грязи. – Извини, я слегка затрахался.

– Я вижу, – натужно рассмеялся он. – Кабздец какой-то! Как ты думаешь, какого мы рылись в этом говне? Я недавно слышал, типа один крендель нашёл клад. Скифский, кажется. На поллимона баксов. Может, и здесь та же фигня?

– Может, – пришлось повысить голос, перекрикивая рёв надрывающегося насоса, – хотя мне говорили о каких-то пещерах.

– Какие тут, на фиг, пещеры? – усмехнулся Сергей. – Кто бы их рыл в этой глине? И зачем?

– Вот он, – торжествующе сказал Теодор Емельянович, и его звенящий голос разорвал тишину, наступившую после того, как насос, заклокотав, остановился.

По-моему, начиналось самое интересное.

Все дружно подались вперёд, и я, пытаясь не упустить ничего из происходящего, вместе с ними подошёл к краю вырытой нами ямы. Вся липкая жижа исчезла, и нашим взорам открылась блестящая в свете фар каменная плита. Одна

странная вещь тут же бросилась мне в глаза: обычно, как ты ни откачивай жидкую грязь, всё равно где-нибудь останутся лужицы, куски слизи, но не в этом случае. Плита выглядела так, словно её тщательно вымыли, а затем высушили. В центре камня выступало что-то наподобие идеально круглого люка около метра в диаметре. На поверхности этой крышки был начертан замысловатый узор из тонких линий, образующих нечто вроде спирали. Зверь попытался спуститься туда, но Емельянович властным жестом остановил его и зашептал в ухо, указав пальцем на нарика. Тот не обратил на это внимания, он просто стоял и, тяжело дыша, смотрел вниз.

Зверь, выслушав руководителя, пошёл к наркоману, осторожно огибая яму, словно приближение к ней могло ему чем-то повредить. На ходу он достал уже виденный мной в автомобиле длинный блестящий нож, напоминающий оружие спецназовца. На лице Зверя я заметил странное для этого человека выражение растерянности, точно он не мог понять, правильно ли он поступает в данную минуту. Подойдя к нарику, гигант остановился перед ним и твёрдо сказал, тыкая острием клинка в заляпанную грязью грудь:

– Теперь полезай вниз.

Тот вскинул голову и, выронив от неожиданности лопату, спросил:

– Это ещё на хрена?

– Объясняю для полных тормозов, – размеренно произнёс

Зверь, продолжая тыкать ножом при каждом слове, – ты полезешь вниз и ощупаешь вон тот кружок. На нём имеются выступы, и ты будешь на эти выступы нажимать до тех пор, пока этот люк – а это именно люк – не откроется. Всё понятно или повторить?

– А почему именно я? – проблеял нарик, сглатывая слюну. Видимо, у него возникли какие-то сомнения относительно этого приказа. – У тебя учёные есть? Пусть они и лезут.

– Ты свои деньги получить хочешь? – грозно осведомился Зверь, сведя брови к переносице. – Ты как думал, тебе за них ни хрена делать не надо будет? Или ты задницей собирался отрабатывать? А ну, ползи вниз, и побыстрее!

Тяжело дыша, наркоман затоптался около края, прикидывая, как лучше спуститься, и тут произошло ещё одно странное событие: Зверь неловко повернулся, опуская руку с ножом, и случайно задел ладонь нарика, разрезав её в кровь.

– Ах ты, падла! – выкрикнул тот, в испуге глядя на струящуюся кровь. – Ты меня порезал, урод!

Я решил – всё, несчастному пришёл конец, и его немедленно разорвут на куски, но великан лишь мрачно ухмыльнулся, вытирая лезвие клинка извлечённой из кармана тряпичей.

– Ползи, ползи, – почти добродушно проворчал он и спрятал оружие. – До свадьбы заживёт.

Привлечённый каким-то непонятным движением, я поднял глаза и увидел, как Теодор быстро листает страницы

толстого фолианта, невесть откуда появившегося в его руках. Обнаружив в книге нужное место, наш руководитель начал нараспев читать нечто непонятное, но явно угрожающее. Под эти завывания нарик сполз вниз и, прижимая раненую руку к груди, стал ощупывать сверкающую поверхность каменного люка. Зверь досадливо поморщился и, склонившись над ямой, крикнул:

– Обеими щупай, урод! Иначе не найдёшь.

Теперь и окровавленная ладонь опустилась на камень, оставляя на нём красные отпечатки, пересечённые линиями загадочного орнамента. Из ямы доносились громкие проклятия и всхлипы. Люди, стоявшие вокруг, подошли ближе, пытаясь лучше рассмотреть, как скрюченная фигура ползает по метровому кругу, намереваясь найти нужные выступы.

Внезапно меня словно ударило: я поднял голову, охватив взглядом ВСЮ картину. Воистину нереальное зрелище. набросок серых теней на тёмном полотне сумерек. Если до этого был криминальный сериал из жизни бандюков, то он незаметно сменился какой-то мистикой. Неглубокая яма, по дну которой ползло странное согбенное существо и тёмные в свете ярких фар фигуры без лиц, окружившие её. Высокий человек с толстенной книгой в руках, звенящим голосом выкрикивающий непонятные фразы.

Меня затрясло мелкой дрожью, но вовсе не от холода, а от ощущения давящего взгляда, направленного в мой затылок. При всём том я точно знал: позади меня нет никого и ничего.

Точно заворожённый, я опустил голову, рассматривая человечка, продолжавшего нелепое копошение под моими ногами. Его кровь покрывала уже весь люк, но линии узора от этого стали только чётче, и спираль... Впрочем, я, наверное, ошибся – никакой спирали не было! А было... Совершенно верно: нарик ползал по каменной пасти, распахнувшей клыки в ожидании добычи.

– Где же эти ваши долбанные выступы? – плаксиво прокричал из ямы наш искатель, но ответа не дождался.

– Шуб-Ниггуратх, хранитель первого замка, – возвысил голос Теодор, переходя на понятный язык, – прими этот ключ!

Дальнейшее произошло во мгновение ока: лужицы крови на поверхности камня съёжились и исчезли, словно камениюка впитала их. Изображение клыкастой пасти приобрело необыкновенную чёткость и объём, обратившись в реальный зев, готовый сцепить зубы на добыче. И это произошло! На какое-то мгновение каменная плита исчезла, и я увидел в земле невообразимо огромное существо, высунувшее голову с разверстой пастью на поверхность. Наваждение исчезло так же быстро, как и появилось, но пасть осталась на месте. Каменные клыки щёлкнули, оборвав начинающийся вопль. Мелкие капли крови брызнули мне в лицо и осели на коже противным тёплым дождём. Все попятились назад, подальше от жуткой пасти, распахнутой в неглубокой яме, разом превратившейся в могилу. Окровавленные зубы продолжа-

ли смыкаться, похрустывая кровавыми ошмётками того, что ещё минуту назад было живым человеком.

Почему-то страшно не было. Совсем. Очевидно, из-за нереальности происходящего, чересчур напоминающего компьютерную графику в каком-нибудь ужастике. Гораздо кошмарнее выглядела бы какая-нибудь авария с грудой изуродованных тел.

– Что происходит?! – завопил тонким голосом один из болоньевых дутышей, шлёпнувшись на задницу.

– Рехнуться... – пробормотал Сергей, стоявший недалеко от меня, и, повернув ко мне бледное, в алых крапинках лицо, повторил: – Рехнуться.

Зверь без труда спрыгнул в яму, и я поразился: неужели он не боится угодить в жуткую пасть, которая в мгновение ока пожрала несчастного наркомана? Но в том-то и дело, её там уже не было! Посреди плиты, покрытой множеством кровавых пятен, чернело отверстие уходящего вниз колодца. Зверь, с лёгкостью удерживая в одной руке кажущийся игрушечным автомат, осторожно склонился над тёмной дырой и направил вниз ослепительный луч длинного фонарика, напоминающего полицейскую дубину. Луч метнулся по окружности колодца.

– Вроде всё в порядке, – негромко сказал Зверь, поднимая голову, и эти тихие слова в мгновение ока превратили начинающийся ропот в полное безмолвие.

Теодор Емельянович неторопливо спустился в яму, в его

руках тоже тускло поблёскивало автоматическое оружие. Когда и куда он спрятал книгу, я пропустил. Руководитель отстранил гиганта и склонился над колодецем. Подавшись вперёд, я с изумлением услышал громкое сопение, словно он к чему-то принюхивается. Видимо, нужный запах присутствовал, и по губам Теодора скользнула слабая ухмылка. Он выпрямился и, повернувшись к Зверю, скомандовал:

– Немедленно начинайте спуск снаряжения и оборудования.

После этого Емельянович перекрестился и прыгнул вниз. Честно говоря, это поразило меня даже больше, чем увиденное раньше. Зверь ещё раз заглянул в колодец, после чего громко проревел, подняв голову:

– Снаряжение и оборудование спустить вниз за десять минут. Если кто-то собирается валять дурака, объясняю: колодец может закрыться в любой момент, и, чтобы открыть его снова, я использую любого из вас. Ясно? Вопросов нет?

Может, у кого-то и были вопросы, но никто их задавать не стал. Началась суматоха, которая всегда сопровождает авральные работы. Все попытки организовать спокойную переноску вещей окончились пшиком: перед глазами носильщиков до сих пор стояли жуткие челюсти, сомкнувшиеся на теле нарика, и это вынуждало шевелиться как можно быстрее. Вобла и её приятель, которого, как я узнал во время бешеной беготни от машины к яме, называли Круглым, прыгнули в колодец и теперь принимали тяжёлые тюки. Груз ино-

гда приходилось носить вдвоём, настолько он был неподъёмным. Количество барахла оказалось просто грандиозным, и я не мог понять, как мы его будем переть по пещере. Возможно, сумма в три тысячи не была такой уж большой для подобной работы.

Наступил момент, который рано или поздно наступает в любом деле: сбросив очередной баул в яму, я обнаружил, что мне больше нечего носить и бросать. Наши учёные в заляпанных грязью куртках подошли к колодцу и попытались рассмотреть, что скрывается в сочащейся зеленой глубине. Сергей и Юра стояли рядом, превратившись в близнецов из-за коричневой корки, покрывающей как одежду, так и их лица. На самом краю колодца сидел Зверь и, прижимая локтем автомат, негромко говорил с людьми, находящимся внизу.

– Странное дело, – сказал Юрик и потёр грязной ладонью такое же грязное лицо, – на наших глазах каменное чудовище сожрало живого человека, а мы стоим, словно ничего не произошло. Даже если опустить бесчеловечность этого события, нельзя игнорировать его сверхъестественность.

– Почему бы тебе не заткнуться? – спросил, с тяжёлым вздохом, Сергей. – И без того блевать охота...

– Точно, – подтвердил я, пытаюсь привести свои мысли в обычное для них движение, из которого время от времени рождалось нечто дельное. – Ни фиги не понятно.

Зверь окончил переговоры и, взглянув на нас, улыбнулся, скверно так, улыбка была – не предвещающая ничего хо-

рошего. Это, да ещё пустынное поле, хранящее в себе чудовищную тайну, да ещё... Короче, меня начало трясти мелкой дрожью.

– А теперь, господа хорошие, – сказал Зверь, продолжая усмехаться, – добро пожаловать вниз. Прыгайте, там неглубоко.

– Я не полезу, – тонким голосом забормотал парень в болоньевой куртке, тот, который давеча вопил от ужаса, шлёпнувшись около ямы. – Мы так не договаривались! Нам говорили о каких-то спелеологических исследованиях, связанных с радиоактивностью. И всё!

Его товарищи смотрели в землю, не говоря ни слова, и их мрачные физиономии могли означать любую вещь, кроме поддержки. Должно быть, деньги накрепко запечатали им рты. То ли этот светловолосый парень получил меньше остальных, то ли потрясение оказалось слишком сильным, но он продолжал говорить, повышая голос с каждым словом:

– Я не полезу в эту долбаную яму! Я требую немедленно отвезти меня домой!! Я...

Зверь выпрямился во весь свой немаленький рост, и его кулак молниеносно воткнулся в солнечное сплетение болтуна. Тот охнул и скрючился, согнувшись пополам. Великан схватил его за куртку и бросил в колодез. Прделав эту операцию, он обвёл взглядом всех нас:

– Кто ещё хочет обговорить условия работы?

Желающих не оказалось, и учёные начали покорно спры-

гивать в жерло колодца.

Швед, кутивший поодаль, с другими водителями, что-то рассказывал, похохатывая, но его смех быстро увял, стоило Зверю сказать одну-единственную фразу:

– Швед, полезай сюда.

– Да ты чё? – возмутился лысый, подойдя ближе. – Ты же базарил, типа я чисто пошофёрю – и всё. Базар требует ответа.

– Лезь, кому говорю! – набычившись, процедил Зверь и погладил автоматную рукоять. – Хочешь перетереть?

Не дожидаясь окончания этой интереснейшей сцены, я подошёл к краю колодца, испытывая ощущения, наверное, сходные с чувствами «моржа» перед самым первым погружением в прорубь. Опустившись на корточки, я прыгнул вниз. Лететь было около двух метров. Пол больно ударил по пяткам, и от неожиданности я свалился на бок. Лёжа на полу, я попытался осмотреться и сообразить, куда угодил. Однако меня почти сразу отволокли в сторону, и уже знакомый женский голос раздражённо рыкнул:

– Урод, ты как, хочешь послужить посадочным пяточком?

Вобла оказалась совершенно права: на то место, откуда меня убрали, тут же приземлился раздражённо пыхтящий Швед и смачно сплюнул на пол. Не успел он отойти, как сверху, точно чёртик из коробки, выскочил Зверь, приземлившись так мягко, словно он был пантерой в человеческом обличье. Теперь наша группа, за вычетом водителей, оказалась

в полном сборе. Вот только где? Я огляделся.

Ровные зелёные стены сводчатого коридора уходили в обе стороны, исчезая в изумрудном тумане, скрывающем окончание туннеля. Стены, светившиеся слабым гниlostным светом, казались изготовленными из пластика, но на ощупь были омерзительно тёплыми и влажными. Все наши туки были в беспорядке свалены у стены. Около них с абсолютно потеряннм видом стояли Сергей и Юрик. Трое учёных склонились над своим пострадавшим товарищем, шумно выblёвывающим содержимое желудка. Теодор что-то тихо объяснял окружившим его Зверю, Вобле и Круглому. Швед демонстративно держался в некотором отдалении.

Окончив объяснение, Емельянович повернулся к нам и с ноткой торжественности в голосе сказал:

– Добро пожаловать в Бездну, господа.

Едва он произнёс последнее слово, как над нашей головой оглушительно лязгнуло. Дыра в потолке исчезла, скрывшись под огромной металлической крышкой, где было изображено человеческое лицо, оскаленное в безмолвном крике. От потускневшего изображения веяло такой тоской и безнадёжностью, что я ощутил нарастающий страх. Мы оказались отрезаны от внешнего мира в подземелье, которое Теодор Емельянович весьма оптимистично назвал Бездной.

Бездна

– Хочу вам кое о чём сказать. – Емельянович бросил короткий взгляд на жуткий люк. – С этой минуты характер наших отношений несколько меняется. Отныне я имею полное право распоряжаться жизнью каждого из вас. Любой, отказавшийся выполнить приказ, либо мой, либо моего заместителя, – кивнул он на Зверя, и тот с готовностью обнажил в кровожадной усмешке свои крепкие зубы, – будет сразу застрелен. В качестве альтернативы могу предложить оставить провинившегося в этом лабиринте, а это – именно лабиринт. Поверьте, через очень короткий промежуток времени вы пожалеете, что вас не пристрелили.

Теодор оказался неплохим психологом: высказав всё это, он умолк и некоторое время безмолвствовал, позволив нам переварить порцию полученной информации. Мой мозг предпочёл отпихнуть лишний груз в сторону, оставшись на своих позициях. Ну и ладно, даром же моя благоверная весьма часто обвиняла меня в твердолобости. Взамен я сумел оценить реакцию остальных. Троица боевиков восприняла речь руководителя абсолютно спокойно, а Швед лишь пожал покатыми плечами. Сергей с Юриком переглянулись и заметно помрачнели. Впрочем, как мне показалось, Сергей уже готовил себя к чему-то эдакому, видимо, предыдущие события намекали на подобный исход. Учёные выгляде-

ли ошеломлёнными, а истерик из их группы начал тоненько завывать. Ну и правильно, время было самое подходящее.

Убедившись, что его слова дошли до всех, Теодор продолжил:

– Должен вас предупредить, место, куда вы угодили, очень опасное, не приспособленное для жизни человека, поэтому выполнение моих приказов будет в ваших интересах. Две новости: хорошая и плохая. Хорошая – вам будет выдано оружие для самозащиты. Плохая – очень часто оно не сможет вас защитить. Поэтому, если я прикажу бежать, это значит бежать нужно со всех ног, не изображая из себя героев.

Нарисованная картина выглядела достаточно мрачно даже для того предохранителя, который стоял у меня в мозгу, поэтому мурашки, бегущие по загривку, вели себя всё агрессивнее. Смерти, честно говоря, я очень боялся, а все эти предупреждения выглядели весьма неаппетитно.

– Вопросы задавать можно? – поинтересовался я, тщательно откашлявшись, дабы не издать недостойного писка. Впрочем, эти мои ухищрения пропали втуне.

– Нет, – отрезал Зверь, выступая вперёд, – всё необходимое для выживания вам расскажут и покажут, а ваши интересы можете оставить при себе. Лишний шум в этом месте может только навредить, поэтому тот, кто будет слишком много трепать языком, продолжит путешествие без него. Переносить багаж можно и без языка. Поверьте, я смогу сделать это так, что никто не истечёт кровью до окончания пути.

Сказано было весьма веско. Проклиная себя за нарушение собственного же правила, гласящего: не высовывайся, я попятился назад, попытавшись слиться с омерзительно тёплой стенкой тоннеля. Зверь опять отошёл за спину Теодора и подал знак Вобле. Та тотчас склонилась над баулом, где, как я уже знал, хранились изделия старика Калашникова. Пока тощая воительница разглядывала содержимое сумки, руководитель продолжил прерванную Зверем речь:

– На данный момент у меня есть единственный приказ: немедленно уходить с этого места. Каждому будет выдана часть поклажи...

Один из учёных, хлопотавших вокруг избитого товарища, неуверенно осведомился:

– А нельзя ли немного задержаться... – Он помялся и пояснил: – Путешествие в автомобиле, пусть даже таком комфортабельном, весьма утомительно, а наш товарищ ко всему прочему чувствует себя неважно. Возможно, стоило бы остаться здесь на ночь. Не всё ли равно...

– Нет, не всё равно! – добавив металла в голос, сверкнул глазами Теодор. – У нас есть жёсткий график, которого стараемся придерживаться. Сегодня мы должны пройти двенадцать километров, а это будет нелегко, учитывая количество поклажи. Поэтому выходим немедленно.

– Круглый, – подал голос Зверь, – помоги народу укомплектоваться. Подгони им ремни, не то они, чую, рухнут после первого же километра.

Крепкий, коротко стриженный парень молча кивнул и направился к сваленным у стены вещам. Поскольку ближе всего стояли Юрик с Серёгой, они и получили первые тюки. Цепляли груз, как рюкзак, на спину, причём Круглый достаточно долго двигал пряжки, пытаясь уравновесить объёмистую поклажу. Кроме объёма они имели ещё и весьма солидный вес, о чём я узнал, когда короткий палец Круглого поманил меня к себе. В чёртовой хреновине было не меньше тридцати килограммов, почти половина моего собственного веса. Однако молчаливому парню удалось так разместить груз, что я ощущал лишь небольшое давление на загорбок.

– Эй, придурок, иди сюда, – позвала меня гладильная доска в образе женщины и оскалила два ряда акульих зубов. – Я смотрю, ты тормозишь по-крупному.

С каким удовольствием я врезал бы по этой наглой физиономии, но у меня хватало сообразительности удержаться от такого опрометчивого шага. Воспоминания о том, как здоровенный боров рухнул от одного-единственного незаметного удара, были ещё достаточно свежи в моей памяти. Поэтому я, сутулясь от лишнего веса, навалившегося на плечи, лишь подошёл к этой стерве и посмотрел на неё взором, способным, как мне казалось, прожигать камни.

Гвозди бы делать из этих б... людей то есть. Мой пышущий огнём взор, естественно, не произвёл на неё никакого впечатления. Она запустила узкую ладонь с неправдоподобно широким запястьем в сумку и достала автомат без обой-

мы, каковой продемонстрировала мне.

– Для дебилов, – откровенно забавляясь, сказала женщина, – чтобы стреляло, нажимай здесь, вот это – переключатель с автоматической стрельбы, на одиночные. Лично тебе рекомендую с предохранителя не снимать. Вот это – затвор, передёргивай его, когда меняешь обойму.

– Вообще-то, я знаю, как пользоваться такой штукой, – сухо заметил я, вспоминая незабвенные деньки, проведённые на военной кафедре.

– Опытный боец, – понимающе кивнула Вобла, кривя тонкие губы в презрительной ухмылке. – Ну тогда я спокойна за свои тылы. Держи.

Она достала из сумки две обоймы, перемотанные скотчем, и снарядила оружие, после чего демонстративно поставила его на предохранитель и повесила мне на шею. Однако, когда я собрался уходить, меня задержали, дёрнув за полу куртки. При этом рука Воблы чувствительно ударила по пистолету, торчащему за поясом. У меня имелась слабая надежда, что сей твёрдый предмет останется незамеченным, но она тут же благополучно скончалась.

– Вооружаемся? – поинтересовался этот демон женского рода и, схватив мою руку, повернула её ладонью вверх. – Вот тебе для полного комплекта.

В ладони оказались два ребристых яйцеобразных предмета, позвякивающие металлическими колечками друг о друга. Это были гранаты.

– Честно говоря, – пояснила Вобла, – таким придуркам я никогда в жизни не давала бы ничего опаснее кухонного ножа. Однако приказ есть приказ: Емеля приказал дать каждому лоху по две гранаты. Получай и отваливай. Гляди не отстрели себе яйца.

Получи я такое количество оружия в какой-нибудь другой ситуации, был бы на седьмом небе от счастья, а сейчас, нагруженный десятками килограммов хренегознаетчего, я ощущал себя вьючным ишаком, которому на шею повесили подобие колокольчика – дополнительную обузу. Автомат на каждом шагу раскачивался и периодически весьма неприятно лупил по рёбрам. Так мы ещё не начали двигаться!

Пока я пытался обуздать непослушную машинку, прижимая её локтем к пузу, происходила дальнейшая раздача слов солдатом и революционным матросам. Инструктаж каждого (с точки зрения гружёного ишака) отнимал излишне много времени, особенно когда некоторые задавали дополнительные вопросы, относительно употребления автомата и гранат. Один из учёных, самый маленький по росту и тонкий в кости, как девочка, дольше всех допрашивал Воблу своим едва слышным голосом. Гранаты он опасливо держал на расстоянии от себя так, словно уже повывёргивал из них кольца.

Теодор, который со Зверем рассматривал извлечённые из пластикового пакета карты, неодобрительно поглядывал на инструктируемых, время от времени бросая взгляд на часы. Судя по всему, мы начинали выбиваться из его графика. А

это, насколько я помнил его объяснения, было чревато ускорением темпа нашей ходьбы.

Так оно и вышло. Стоило последнему навьюченному учёному получить колье а-ля Калашников, как листы карты были уложены на место, а Теодор, поправив ремень автомата, висящего на плече, не говоря ни слова, зашагал по тоннелю. На его угрюмом лице застыло выражение крайней сосредоточенности и даже решимости. Такую морду обычно делают герои американских блокбастеров, перед тем как надрать задницы всем главным злодеям. Но в этот раз все злодеи (а как их иначе называть?) были заодно с супергероем (если его можно так наречь) и сразу начали орать на нас, заставляя в быстром темпе шагать следом за предводителем дворянства. Справедливости ради, следует отметить: все они тоже не остались без поклажи, разве их тюки были несколько меньше наших.

Вобла и Круглый, распахав идущих, заняли свои места по обе стороны от Емельяновича, который, единственный из группы, шагал ненагруженным. Руки парочки лежали на оружии так, словно оба были готовы сразу открыть огонь. Зверь и Швед, напротив, отстали и теперь замыкали вереницу навьюченных людей, обмениваясь какими-то малопонятными фразами. Из этой невразумительной болтовни я уразумел только одно: если нас кто-то атакует, то всем будет моментальный амбец с немедленной раздачей обуви белого цвета. Правда, при этом Швед непрерывно хихикал, поэто-

му сказанное могло оказаться лишь шуткой двух профессиональных наёмников.

Поскольку чаще всего я смотрел себе под ноги, то обратил внимание, что постоянно ступаю по странным поперечным бороздам, словно кто-то проехался по тоннелю на тракторе с единственной гусеницей шириной во весь коридор.

Желания да и сил поднять голову у меня не было, посему лишь время от времени я смотрел на стены, источающие слабое зеленоватое свечение и какую-то отвратительную слизь, напоминающую сопли. Зрелище было на редкость отвратительное, и я опять опускал взор, «любясь» неизменными рубцами на полу.

Поначалу я без напряжения выдерживал заданный темп, однако чем дальше мы продвигались по маршруту, тем сильнее ремни заплечного мешка врезались в плечи, и это ощущалось даже через куртку, свитер и рубашку. Ко всем прочим неприятностям добавилась ещё и вода в сапогах (ни разу не дырявых, да?), которые громко чавкали при каждом шаге, вызывая, неизвестно почему, совершенно непристойные ассоциации. Это плюс чёртов автомат, продолжающий штурмовать грудную клетку, выводило из себя, мешая воспринимать окружающее хоть каким-то нормальным образом.

– Интересно, где это мы находимся? – пробормотал, задыхаясь, кто-то рядом со мной, и не успел я повернуть голову, как он продолжил: – В своё время я неплохо изучил пещеры мира и сам пару раз побывал в Крыму.

– Ну и что? – недружелюбно осведомился я у Юрика, шагавшего рядом, скрюченного под тяжестью огромного рюкзака.

– Очень странно, но я не могу определить материал, из которого состоят стены, – прохекал доморощенный исследователь пещер, – первый раз вижу такой минерал. И вообще, откровенно говоря, больше всего он напоминает нечто искусственное.

– Угу, угу, – кивал я, представляя себе мягкий диван, телевизор и, самое главное, себя на диване перед телевизором.

Сначала я сброшу грязное барахло, потом полезу в горячую ванну, у-ух! Где-то призрачно маячила бутылка... нет, две холодного пива. Лучше всякого секса...

Когда я осознал, что всё это существует лишь в моём воображении, стало ещё хуже. А вода в сапогах продолжала чавкать! А на рёбрах мало-помалу образовывались болезненные шишки! И рюкзак становился всё тяжелее! Ёлы-палы...

Этот полунищий учитель в одежде из секонд-хенда всё молот и молот свою чушь. Чёрт, ко всем неприятностям добавилась ещё одна, в лице Серёги, который тоже горел желанием побеседовать со мной. Я повернул голову, испытывая дикое желание послать спутника на хрен. Почему никто не хочет оставить меня в покое?

Хорошо хоть, у него оказалась более удобоваримая тема для разговора. Непрерывно подбрасывая свой асимметрич-

ный тюк, он заговорщически подмигнул.

– Знаешь, я присмотрелся к этим парням, – мотнул он головой на учёных, понуро семенящих следом за Теодором и его телохранителями. – Ты не поверишь. Вон тот, щупленький, – баба. Сначала думал – показалось, а потом – нет, ни фига. Губы накрашены, в ушах серёжки и на морду ничего себе. А жопка кругленькая, есть за что подержаться.

– Надеешься, у тебя будет для этого время и возможность? – спросил я, разглядывая объект Серёгина интереса. Хм, задница действительно не мужская. Как это я проглядел? – Предполагаю, к концу дня ты будешь лежать пластом.

– Главное, пусть перец не ложится, а там поглядим, – хохотнул Сергей.

Юра посмотрел на него недоумённо и даже неприязненно.

– Не понимаю, как вы в подобной ситуации можете вести разговоры на подобные темы? – выдохнул он в конце концов и тяжело вздохнул. – Мы находимся в таком странном месте, после таких поразительных событий, а у вас одни женщины на уме.

– Лучше обсуждать баб, – буркнул я, желая им всем провалиться в преисподнюю, – чем триндеть о всякой ерунде. И без того фигово, а тут ещё ты со своими странностями... Хочет парень засадить – флаг ему в руки!

Получив столь грубую отповедь, Юра сразу отстал и теперь шагал позади, что-то бормоча себе под нос. Сергей, на-

оборот, ускорил шаг, намереваясь, очевидно, догнать объект своего вождения и завести с ним разговор, предшествующий исполнению сокровенного желания.

Честно говоря, я был только рад этому, поскольку одиночество позволяло отвлечься от всех этих впердоливаний в странных пещерах и вернуться в мир горячих ванн и запотевших пивных бутылок. Правда, бутылки периодически трансформировались в водочные, соседствуя с горячими пельменями.

И вновь грубая реальность нагло разрушила хрупкий мирок моих сладких грёз.

Серёга как раз настиг маленькую фигурку в дутой куртке, когда наш предводитель остановился и, подняв руку, предостерегающе каркнул. В следующую секунду Теодор оказался на земле, где мгновением позже очутились Вобла с Круглым. Сухо треснули две короткие очереди и смолкли, заглушённые нарастающим свистом, переходящим в вой. Учёные, словно бараны, шарахнулись к стенам, и я смог разглядеть нечто, приближающееся из зелёного сумрака, заполняющего дальнюю часть тоннеля. Что это было, я не понял, но оно летело прямо на нас, причём с огромной скоростью.

Ещё раз хрустнули очереди, и только сейчас я сообразил, что эта пакость вот-вот врежется в меня. Это ни в какие ворота не лезло. Как обычно, в критических обстоятельствах первым делом отказали нижние конечности, превратившись в неповоротливые протезы. Только этим я могу объ-

яснить свою неудачную попытку отпрыгнуть к стене. Одна нога нагло зацепила вторую, захребетник изъяснил желание прилечь, и я, произнеся мудрую речь: «Бла-бла!», опрокинулся на спину, пребольно ударившись о какую-то металлическую фигню. Не успел я оценить всех преимуществ этой позы, как вой сменился оглушительным рёвом, и хрень, напоминающая гигантскую летучую мышь, пронеслась над мной, щёлкая огромными клыками, украденными, похоже, у матёрого секача. Кажется, у зверюшки было четыре крыла, но мне могло и показаться, уж слишком быстро она перемещалась.

Сергей, стоявший рядом, казался неузнаваемым из-за широко распахнутых глаз и мелового лица. Автомат в его руках затрепыхался, точно раненое существо, и сверху посыпалась какая-то колючая дрянь, запорошив мне глаза. Пришлось срочно переворачиваться на живот и протирать гляделки. Пока я занимался очисткой лобового стекла, неприятный инцидент завершился. Начался разбор полётов.

Рядом с моим лицом громко протопали армейские ботинки на толстой подошве и остановились около поношенных сапог, принадлежащих Серёге. Взбешённый Зверь произнёс нечто короткое и смачное в адрес насмерть перепуганного парня. Как и следовало ожидать, речуга окончилась неслабой оплеухой, сшибившей слушателя на пол. Следом притопал не менее взбешённый Швед, прикладывая платок к окровавленной щеке. Лысоман скрипел зубами, поминая ка-

ких-то «долбанных уродов, которым доверили стволы». Стало быть, один из Серёгиных выстрелов нашёл свою цель.

Поскольку лежать дальше смысла не было, я начал неторопливо подниматься на ноги, начав с четверенек. Избождённый полосами пол качнулся перед глазами, когда какая-то добрая душа помогла мне, изо всех сил дёрнув за шиворот. Как выяснилось, это была женщина моих снов. Кстати, чаще всего мне снятся кошмары. Вобла покачивалась с носка на пятку и задумчиво грызла короткую спичку.

– Из всех придурков, – сказала она, отряхивая пыль с моих рукавов, – ты почему-то оказался единственным, кто не нажал на спуск. Я начинаю подозревать, что ты не так прост, как мне казалось.

Пока я пытался понять, о чём она толкует, мою куртку приподняли. Не успел я оглянуться, а моя заначка перекочевала в её руку. Честно говоря, я сам с интересом рассматривал оружие, поскольку всё это время, не вынимая, носил за поясом.

– «Вальтер», – хмыкнула Вобла с тенью уважения в голосе и выдернула обойму. – Девяносто девятый. Все поросята на месте. Дорогая игрушка. Где взял?

– Нашёл, – честно ответил я, ожидая, что мой трофей в ближайшее время сменит своего хозяина.

Этого не произошло. Вобла с щелчком вернула магазин на место и сунула пистолет мне за пояс. На её тощем лице появилась какая-то странная гримаса, а в глазах мелькнула

хорошо скрываемая тоска.

– Честно говоря, думала, приволок какую-нибудь газовую хрень, – призналась она. – Очень редко приходится так ошибаться в людях. Но не думай, будто тебе от этого станет легче. Придётся приглядывать за тобой получше. Мало ли...

– Что я тут могу натворить? – буркнул я, довольный тем, как всё обошлось.

– И то верно, – Вобла непонятно, но очень невесело усмехнулась, – времени для этого осталось очень мало.

После этого она отошла, оставив меня в тревожном недоумении по поводу своих последних слов. Чёрт возьми, я ощущал какой-то нехороший подвох. И эта фигня очень даже стыковалась с моими прежними рассуждениями. Но сразу видно: я не Шерлок Холмс – как только пришло время проанализировать все факты, соединив их в единое целое, в мозгу возник непреодолимый барьер. Конечно, если бы я мог спокойно посидеть, подумать, возможно, задача была бы решена, но зычный глас Зверя распугал робкие мысли по щелям подсознания. Всех согнали, как баранов, и стали читать мораль. Теперь я смог разглядеть длинную кровоточащую царапину на щеке угрюмого Шведа. Серёга, которого под руку поддерживал бледный Юрик, покачивал головой и непрерывно потирал опухший после оплеухи подбородок.

– Уроды! – вопил Зверь, багровый от бешенства. – Вы едва не положили друг друга в самой простой ситуации, вашу мать! Уму непостижимо! Вам дали оружие для того, чтобы

вы сразу начали палить из него во все стороны? Ваше дело – тащить барахло, а во всём остальном положиться на нас. Если ещё один говнюк нажмёт на спуск, когда ему самому ничего не будет угрожать, то обещаю засунуть такому ствол в жопу и не пожалею парочки патронов. Всё.

После этого вперёд выступил Теодор, выглядевший таким же спокойным, как и прежде. Отряхнув лишь ему самому заметные пылинки, он, демонстрируя контраст с речугой Зверя, очень тихо сказал:

– Ещё раз хочу повторить: это место очень опасное, – и обвёл руками стены тоннеля, будто хотел показать опасность именно этой части пещеры. – Увиденное вами – ничтожная угроза, но её оказалось достаточно для паники, едва не повлёкшей за собой жертвы.

– А что это было? – спросил один из учёных. – Первый раз вижу подобную тварь.

– Молись, чтобы последний, – отрезал Зверь. – Повторяю последний раз, для самых тупорылых: свои вопросы засуньте в свои задницы, никто не собирается вам отвечать и вообще слушать ваш дебилический лепет. А теперь построились и продолжили движение.

Поведение Теодора мне крайне не понравилось: он посмотрел на часы, и его брови поползли вверх, выказывая крайнюю степень изумления. После этого руководитель стал чернее ночи.

– Быстрее, – сказал он, – как можно быстрее. Теперь это

вопрос жизни или смерти.

Почему-то в этот раз ему поверили все и сразу. Группа устремилась следом за Емельяновичем, пытаясь удержать темп, который он задавал. Первым делом взвыли ноги, ещё не успевшие отойти от недавнего издевательства. В мышцах появилась ноющая боль и очень скоро поползла вверх, переходя в наступление на ушибленный позвоночник. Рюкзак определённо потяжелел, набрав дополнительной массы от земли, с которой он так нежно воссоединился.

Теперь я поднимал голову только для того, чтобы отряхнуть пот, обильно льющий со лба. Перед глазами мелькали то осточертевший рубчатый пол, то осточертевшие слизистые стены, которые начали пульсировать в такт ударам сердца. Чёрт! Мне не кажется! Я потряс головой, пытаюсь отбросить наваждение, но оно осталось: стены коридора трепетали и спазматически сжимались. Ко всему прочему, зелёная слизь теперь выделялась гораздо обильнее, стекая на пол. Почему-то мне очень не хотелось наступать на эти омерзительные лужи, напоминающие блевотину. А когда я увидел, как окурок, брошенный Серёгой, с лёгким шипением растворился в одной из них, начал избегать всяческого контакта с ними.

– Что происходит?! – крикнул кто-то из учёных, кажется, всё тот же истерик. – Что со стенами?!

– Быстрее! Быстрее! – вместо ответа, крикнул Теодор. – Бегом!!

По тоннелю прокатился глухой гул, и пол под ногами под-

прыгнул, вынудив всех повалиться на четыре кости. Юрик угодил рукой в зеленоватый потёк и завизжал, размахивая дымящимся пальцем.

С трудом поднявшись, я ощутил мелкое дребезжание всего организма, а вовсе не мелкую дрожь в коленях. Становилось по-настоящему страшно, тем более я никак не мог сообщить, какое дерьмо творится. Казалось, будто тоннель извивается, словно исполинский червяк, внутри которого мы каким-то образом очутились. Дальняя часть коридора то появлялась перед глазами, уходя на неизвестное расстояние, то вновь растворялась в зеленоватой мути. С потолка хлынул настоящий дождь из мелких капель цвета болотной тины. Ужаснувшись, я увидел, как шипящая влага оставляет на ткани крохотные дымящиеся дырочки. Едкая фигня обожгла мой затылок, и, захрюкав от боли, я натянул на голову капюшон, рассудив: хрен с материей, а голова хоть и глупая, но всё же своя, родная.

– Быстрее! – вновь крикнул Теодор и побежал, натягивая на лицо маску закрытого респиратора.

Люди вопили от боли и ужаса, но из последних сил бежали вперёд. По воздуху неторопливо плыли клубы сладковато-кислого тумана, от которого першило в горле и кружилась голова. Глаза начали слезиться, поэтому время от времени я бежал вслепую, пытаясь уберечь их от едкой дряни. В результате, когда я налетел на стоящего учёного, толчок заставил нас обоих покатиться по земле. Почти сразу я сообразил,

что меня угроздило взгромоздиться на объект сексуального интереса Серёги.

– Да какого же чёрта, чёрт побери! – кричал объект, ворочаясь подо мной. – Какого хрена?!

– Прошу прощения, – пробормотал я, ощущая небывалую лёгкость во всём теле, – глаза слезятся, ни фи́га не вижу.

Я протянул руку и помог девушке подняться. Мы стояли достаточно близко, но из-за слезящихся глаз я видел только расплывчатое пятно там, где должно было находиться лицо. Тёмное пятнышко рта шевельнулось, и хриловатый голос сказал:

– У меня, вообще-то, тоже. – Она усмехнулась. – Но если бы ты хотя бы открыл уши, то слышал бы приказ остановиться.

– Всем собраты здесь, – донёсся из окружающего меня тумана голос Теодора, приглушённый маской. – Быстрее, если хотите жить.

Начали появляться тёмные силуэты, налетающие друг на друга и матерящиеся при этом. В сутолоке я потерял свою новую знакомую из вида (если это можно было так назвать). Почему-то у меня начало превращаться в добрую традицию – знакомиться с представительницами прекрасного пола, налетая на них. Когда я сумел кое-как продрать глаза, то обнаружил рядом с собой Юрика, покачивающего обожжённую конечность, словно спящего ребёнка.

Пропихнувшись через галдящую толпу, к стене тоннеля

подошёл Теодор Емельянович и, громко выдыхая воздух через клапан респиратора, потёр сочащийся зеленою камень. Появился метровый круг, испещрённый множеством надписей, по виду напоминающих те, которые я как-то видел в книге о Древней Греции. Слово, написанное самыми большими буквами, я бы интерпретировал как «Прометей», а там хрен его знает.

Теодор извлёк из кармана бушлата небольшую шкатулку и достал из неё круглый медальон. Шкатулку он небрежно бросил на пол, а медальон вложил в небольшое углубление посреди настенного украшения. После этого наш предводитель отошёл назад и выжидающе посмотрел на стену. Ничего не происходило.

Притопал Зверь в таком же респираторе и глухо поинтересовался:

– Ну и?

– Необходимо приложить силу, – сказал Теодор и указал пальцем на вставленный медальон: – В эту точку. Сильного удара будет вполне достаточно.

Ничего не ответив, Зверь пнул ногой медальон. Громко заскрежетало, и гигант потерял равновесие, когда его нога провалилась в круглую дыру, из которой тянуло свежим воздухом.

– Туда, – скомандовал Теодор, – быстрее. Время вышло.

Не успел он договорить, как из недр зелёного тумана донёсся знакомый уже рёв, с которым давеча нас прилетела на-

вестить клыкастая зверюшка о четырёх крылах. Но в этот раз, судя по глубине звука, она решила привести с собой подружек. Очень много подружек.

– Задержите их, – приказал Теодор, – хотя бы на пару минут.

Зверь кивнул и, сдёрнув с плеча автомат, растворился во мгле. Следом скользнули ещё три расплывчатые тени.

– Быстрее внутрь! – рявкнул Теодор, но в этот раз не стал подавать пример, а остался снаружи. – Быстрее, быстрее!

Впрочем, подгонять никого не пришлось, стоило людям услыхать треск автоматных очередей, и они, не мешкая ни секунды, начали протискиваться в узкий лаз. Заплечные мешки цеплялись за края дыры, едва ли не наглухо заклинивая пробиравшихся. Только теперь стало ясно, зачем наш руководитель остался здесь. Он принялся ловко пропихивать застрявших, иногда ограничиваясь лёгким тычком руки, а иногда как следует пиная дёргающуюся задницу подошвой армейского ботинка. Исчезая из виду, люди громко матерились и повизгивали, из чего я сделал закономерный вывод – придётся с некоторой высоты падать, причём на твёрдую поверхность. В отверстии уже исчезли все учёные, и теперь Теодор, громко отдуваясь, пинал Сергея, чей рюкзак сминаясь по краям, но упорно не желал пропускать носильщика хоть на сантиметр дальше. Мы с Юриком тоже налегали на эту живую затычку, пытаясь как можно скорее отправить её по назначению.

Стены тоннеля повело в дикой судороге, и, шлёпнувшись на задницу, я увидел, как отверстие, на мгновение расширившись, пропустило Серёгу, а следом за ним ужом скользнул Юра. Из плывущих клубов зелёной мути выскочил совершенно одуревший Швед и, не останавливаясь, запрыгнул в тёмный зев, взбрыкнув ногами во время своего короткого полёта. Следом появилась Вобла, на плече которой висел мотающий головой Круглый, и зашвырнула своего дружка за Шведом. После этого тощая воительница передёрнула затвор автомата и прижалась спиной к стене. Из её левой ноздри лениво выплеснулся ручеек крови и пополз вниз.

– А тебе нужно особое приглашение?! – рыкнул Теодор и потащил меня к отверстию. – Здесь каждая секунда на счету...

Как ни странно, но я сумел протиснуться по узкому проходу без особых проблем, лишь слегка ушибив плечо о незаметный выступ стены. Заранее подготовив себя к грядущему падению, я едва не забыл о нём в самый последний момент. Уже выпадая из лаза, я спохватился, уцепившись носками сапог за край дыры. Повисев пару секунд на полутораметровой высоте, я выставил перед собой руки и шлёпнулся на каменный пол. Ессесно, чёртов рюкзак перевесил, и вся эта акробатика окончилась кувырком. Мать! Долбаная железяка в рюкзаке (какая-то банка?) второй раз приложилась к моему позвоночнику, причём в то же самое место. Автомат прошёлся по носу, и, открыв глаза, я обнаружил перед гла-

зами чёрный зрачок его ствола.

– Замечательно! – сказал я, отодвигая оружие в сторону. – Просто великолепно!

– Сваливай на хрен! – заорала Вобла, протискиваясь в дыру. – Как же ты меня задолбал!

В чём-то эти рекомендации были невыполнимы, но отчасти я им последовал, отковыляв в сторону. Женщина приземлилась и, привалившись к стене, вытерла потёк крови, заметно увеличившийся за эти несколько секунд. Посмотрев на алую жидкость, Вобла перевела взгляд на меня, и я увидел, что её глаза плывут, как у боксёра после нокдауна. Следом из дыры показался Теодор Емельянович и в изящном прыжке опытного гимнаста легко опустился на пол. Когда он сдёрнул с лица маску, серебристые бисеринки пота дождём брызнули во все стороны.

В отверстии показались чьи-то сапоги, ожесточённо цепляющиеся за край лаза, точно их владельца кто-то тянул в обратную сторону. Теодор подскочил к дёргающейся обуви и, вцепившись в голенища, потянул на себя. В глубине лаза треснула короткая очередь, и Теодор сумел выдернуть рычащего Зверя, одежда которого оказалась изрезана на мелкие полоски. Мелькнули две кровавые полосы на лбу гиганта, и он ничком рухнул на пол, замерев без движения. Попутно великан зацепил Емельяновича, который и сам-то не слишком уверенно держался на ногах, и того отбросило назад с такой силой, что он неслабо приложился затылком о камен-

ную стену, растянувшись у ног Воблы.

Как зачарованный, я перевёл взгляд на дыру, из которой доносился громкий скрежет и шипение. Наружу выхлестнулось длинное щупальце, покрытое короткими чёрными волосками. Потом ещё пара, вцепившихся в края отверстия. Видимо, от ужаса моё зрение обострилось, и я увидел острые, точно бритвы, когти на концах щупалец. Именно эти лезвия и скрежетали по камню.

Сердце ухнуло сквозь пятки в неизвестные глубины, пробив подошвы сапог, и потянуло следом всю мою начинку.

Когда смотришь кино о монстрах, не воспринимаешь их всерьёз: аттракцион и есть аттракцион, ужасаешься, но как-то понарошку. Почему-то и теперь я никак не мог поверить, что передо мной настоящие щупальца, содрогающиеся в попытках проташить свою тушу через лаз метрового диаметра. Меняхватило лишь на то, чтобы попятиться, пока не упёрся рюкзаком в стену пещеры. Надо было бы бежать, но конечности вновь отказали, не желая уносить от столь захватывающего зрелища. Громкое сопение раздавалось уже совсем рядом, а жуткий скрежет вынуждал нервы вибрировать, подобно натянутым струнам.

– Стреляй, – прохрипел голос за кадром.

Как выяснилось, хрипела Вобла, пытаясь оторвать спину от стены. В её глазах бушевала такая энергетическая буря, что её токи нарушили моё оцепенение. Нащупав рукоять автомата, я вскинул оружие и попытался ткнуть стволом, хотя

бы приблизительно, в направлении лаза. В дыре уже появилась бесформенная масса, покрытая множеством коротких, непрерывно шевелящихся волосков, напоминающих стрекала актинии. Палец судорожно сомкнулся на спусковом крючке, и автомат оглушительно щёлкнул в тишине моих сумеречных страхов.

Выстрела не было.

Оно и понятно: с предохранителя-то автомат никто снять не удосужился! Пока я тянул непослушные сосульки пальцев и сдвигал намертво прилипший предохранитель, тварь с оглушительным пыхтением начала выпихивать свою тушу наружу.

Теодор приоткрыл затуманенные болью глаза и, прихрюкнув от напряжения, ударил рукой по какому-то малозаметному выступу у основания стены. Чудовище в проёме заверещало и пропало из вида, словно его выдернули обратно. Отвратительно хрустнуло, и отверстие в стене исчезло, скрывшись под массивной металлической крышкой. На её тусклой поверхности разевала рот морда, подобная той угрюмой физиономии, которую я видел на входе в Бездну. Только эта была страшнее, а гримаса намного тоскливее.

Невзирая на то, что силы окончательно покинули моё страдавшееся тело, я улыбался, как последний дебил. Боже, как я был счастлив! Мгновение назад мне удалось избежать неминуемой смерти, уж в этом я был уверен на все сто. Тварь, сумевшая без ущерба для себя отбросить таких опыт-

ных бойцов, вне всякого сомнения, устроила бы здесь настоящую бойню.

– Милосердный Боже, – пробормотал Теодор. – Святые угодники.

– ...Твою мать! – с чувством произнёс очнувшийся Зверь самые доступные всем слова. – Твою мать!

Продолжая сидеть у стены и радуясь не потерянной жизни, я настолько пришёл в себя, что решил осмотреться. Мы находились в небольшой пещере, которая теперь имела лишь один выход – под узкой аркой, украшенной переплетающимися рогатыми змеюками. Арка, несомненно, была делом рук человека, что показалось очень странным. Всё это место было настолько далеко от чего-либо присущего человеку, поэтому всякое свидетельство пребывания здесь людей казалось по крайней мере неуместным.

Сама пещера напоминала куполообразный шатёр с плоским основанием диаметром порядка десяти метров. Я в настоящий момент находился в своеобразном аппендиксе – полутораметровом тупике, остальные члены группы потерянно стояли посреди пещеры, рассматривая серые стены. Судя по испуганным лицам, явление лохматой тварюки с когтистыми щупальцами не прошло мимо их внимания.

Кто-то остановился около меня и, потянув за воротник куртки, очень ласково сказал:

– Честное слово, ты не представляешь, как мне хочется вышибить твои сраные мозги из твоей сраной головы. – Воб-

ла слегка помедлила и, хмыкнув, пояснила: — Это же надо, единственный человек, который имел возможность задерживать это уродище, поставил автомат на предохранитель!

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — достаточно внятно сказал я. — Отвали от меня, пожалуйста. Не порть настроение.

— Я тебе испортила бы... — неопределённо протянула Вобла и отошла, бормоча о траханных дегенератах, понапрасну жрущих свой хлеб.

Кстати, о хлебе насущном. Слегка оправившись от полученного стресса, начавшего покрываться лёгкой корочкой забвения, я ощутил в желудке пустоту. Оставалось надеяться, что пришло время принятия трапезы.

К счастью, так и было.

Теодор, несколько оклемавшийся после произошедшего, вышел на середину пещеры и слегка подсевшим голосом объявил остановку на ночь. В связи с этим меня незамедлительно вытряхнули из моего рюкзака, где, как оказалось, и находился определённый запас продовольствия. Появились буханки хлеба, упакованные в полиэтилен, и жестяные банки с яркими наклейками, извещающими о том, что они содержат тушёнку. Удивительно, как при таком количестве банок у меня вообще сохранился позвоночник. Каждому досталось по четверти буханки слегка несвежего хлеба и по банке тушёнки. Не могу сказать, что мои глисты остались довольны подобным ужином, но я быстро успокоил их, указав, что он

мог достаться врагу. Вместе со мной. Банка опустела, и, поелозив последним куском хлеба по её блестящим внутренностям, я с огромным сожалением окончил принятие пищи.

Оторвавшись от бесполезной жестянки, я обнаружил, что большинство справилось со своей задачей намного быстрее и начало переходить от активной части отдыха к пассивной. Собрались дрыхать. Двое учёных-дутьшей задремали так же, как и сидели – прислонившись спинами к стене. Третий свернулся калачиком на своём рюкзаке. Около четвёртого (точнее, четвёртой) уже сидел Серёга и что-то настойчиво втолковывал, размахивая руками. Девушка (весьма даже ничего!) обречённо кивала и бросала тоскливые взгляды по сторонам. Юра забился между двумя рюкзаками, каждый из которых был едва ли не больше его, и, накрыв лицо капюшоном, замер без движения. Швед и Круглый сидели около самой змеиной арки, перебрасываясь короткими фразами. Вобла расположилась чуть поодаль и, опёршись локтем о край торчащего из рюкзака ящика, сосредоточенно разбирала-собирала своё оружие. Зверь и Теодор вновь разложили карту и черкали её жирным чёрным маркером.

Вобла собрала автомат и уставилась на меня немигающим взором голодного удава. Ощувив внутренний дискомфорт, я заёрзал, но очень скоро убедился, как непросто укрыться от этого сверлящего взгляда. Вобла будто специально затеяла эту игру в гляделки, пытаясь вывести меня из полунирванного состояния. Даже закрыв глаза, я ощущал прессинг на

лоб, точно кто-то давил на него толстым жёстким пальцем.

– Какого хрена, – пробормотал я и поплёлся в тот аппендикс, откуда мы вторглись в пещеру. – Лучше уж эта тварюка!

Выражение это, несомненно, можно было опротестовать, но металлическая крышка выглядела достаточно надёжно, а Вобла скрылась от меня за поворотом коридорчика. В принципе, сейчас я видел только Сергея с учёной девахой (Серёга полез обниматься). Внезапно девчонка вскочила и громко сказала:

– Да иди ты на хрен, мудила!

После этого она отодвинула ноги ловеласа-неудачника и направилась напрямик ко мне. Бросив свой рюкзак рядом с моим, она плюхнулась на него и, отстегнув верхнюю кнопку на куртке, поинтересовалась:

– Можно здесь припарковаться?

– Почему бы и нет? – пожал я плечами. – Не один фиг, где сидеть?

– Да не один! – в сердцах ответила она. – Стоит оказаться в мужской компании – и какой-нибудь козлина обязательно считает своим долгом достать до самых печёнок! Хрен у него, видите ли, зачесался!

– Да я вроде тоже мужская компания, – несколько обескураженно хмыкнул я, – и означенный орган у меня тоже имеется.

– Давай на «ты», – сказала она, протягивая мне руку. –

Меня зовут Оксана.

Пожав её руку, я предложил ей слезть с рюкзака, уж чересчур она напоминала Наполеона, восседающего на барабане. Хихикнув, девушка решила последовать моему совету и уселась на тёплый пол рядом со мной.

Некоторое время она молчала. Я решил, что она уснула, и сам начал подрёмывать.

– Какие мысли обо всей этой срани? – внезапно спросила девушка, нарушив мою дремоту. – Честно говоря, я ни фига не понимаю! Такое ощущение, крыша вот-вот слетит с катушек. Какие-то подземелья, твари и прочая чертовщина.

– Не знаю, – ответил я, потирая глаза, – мне просто предложили подзаработать денег на переноске аппаратуры. Видимо, вашей. А тебе какую хрень наплели?

– Да всякую срань, – раздражённо махнула она рукой, – о заброшенных урановых рудниках, забытых запасах топлива для станций. Вроде как сырьё для оружия. Да только лабуда это всё – нет здесь радиации, даже остаточной, и это само по себе странно. А все эти шахты похожи на чёрт знает что, но только не на остатки уранового рудника.

– Когда-нибудь узнаем, – зевнул я. – Кто-нибудь проговорится. Скажи лучше, ты чё, такая крутая научная деятельница, раз тебя взяли в эту экспедицию?

– А ты как думаешь? – приподняв нос, высокомерно заявила Оксана, но, не выдержав взятого тона, громко прыснула. – Да нет. Просто лаборатории предложили заняться этой

работой, пообещали хорошие деньги, вот я и упростила муженька включить меня в состав группы. Лишняя денюга ещё никому не помешала.

– И кто из них твой супруг? – кивнул я на спящих. – Вон тот, молодой? С истерическими приколами?

Оксана зажала рот рукавом, пытаюсь удержать хохот внутри.

– Это Семён Кошкарёв, – всхлипнула она, отсмеявшись. – Главный лаборант лаборатории нестабильных изотопов, хоть фактически он выполняет обязанности заведующего лабораторией. Его начальник постоянно за границей.

– Очень ценная информация, – пожал я плечами, – думаешь, объяснила? С чего это тебе так весело стало?

– Да он же педик! Голубой Щенок – вот его кликуха, – опять прыснула она. – Об этом все знают. Да он не слишком-то и маскируется. Любой симпатиченький студентик великолепно проинформирован: лабораторную этому ультрамариновому лучше всего сдавать через задний проход. Если бы он не был таким хорошим специалистом, уже давно получил бы коленом под свой раздолбанный зад.

– И кто тогда?

– Да нет его здесь. – На лице Оксанки появилось досадливое выражение, словно она вспоминала нечто малоприятное. – Мой муж – ректор института.

– Ах вот оно как... – протянул я, пытаюсь вспомнить неизменного руководителя того учебного заведения, где мне в

своё время пришлось обучаться. В памяти блуждало нечто достаточно древнее, прямо для определения в археологический музей. – Хм, однако...

– И ты мне хочешь попенять за моего старика? – с горечью сказала девушка, и я ощутил, как она напряглась.

– Да погоди ты! Наёжилась, как дикобраз. – Я взял её за холодную ладошку и похлопал по ней. – Ни фиги я не хочу сказать. Разве не понимаю, какие ситуации могут быть в жизни. Особенно в наше время...

Ладонь расслабилась и заметно потеплела. На полных чувственных губах промелькнуло выражение, напоминающее благодарную улыбку. Оксана внимательно посмотрела на меня и подвинулась ближе, так, что её обтянутое джинсами бедро коснулось моего. Удивительно, мы одеты, находились в странном и жутком месте, да ещё и невероятно устали... Короче, я ощутил возбуждение. Такова, стало быть, человеческая природа.

– Я тогда училась на первом курсе, – доверительно стала рассказывать Оксана и, запрокинув голову, упёрлась затылком в стену пещеры, – и денег ни хрена не было. Много я могла снять с матери, если папашки не было и духу? Начала подрабатывать, пропустила занятия и на сессии конкретно попала. Думала, всё, вышибут. Вызывают к ректору. Ну, готовлюсь к последнему разговору – и на свободу с чистой совестью. Захожу – сидит. Куда там! В костюме, при галстукe, волосы выкрасил... Казанова, короче. Предложил для нача-

ла быть его любовницей, а там как получится. Мне куда деваться? Мать копейки зарабатывает, бабу в больницу положили – денег надо немерено. И учёбу продолжать хочется. Ну и как я должна была поступить?

Глаза её сверкнули набежавшими слезами, а губы скривились, точно от боли. Когда так делала моя супруга, я знал: надвигается грандиозная истерика. Слава богу, кое-какие методы для предотвращения грядущего шторма были мне знакомы. Обняв Оксанку за плечи, я подтянул её к себе и прошептал на ухо:

– Ну, прекрати.

Она замерла, и её голова склонилась ко мне.

– ...Я же тебе ничего не говорю. Не буду даже говорить, типа, понимаю твою ситуацию, её может понять только тот, кто сам в ней побывал. Было так – стало по-другому. Что-нибудь хорошее обязательно случится.

– Ты прямо буддист, – Оксана посмотрела мне в глаза и смахнула слезинку, повисшую на реснице, – но знаешь, это успокаивает. Давно со мной так никто не разговаривал.

– Почему-то мне всегда было легче общаться с женщинами, – пояснил я, ощущая, как аромат Оксаниных духов прошёлся по ноздрям и мягко ударил по мозгам. Говорить становилось всё труднее. – Надо было мне стать психоаналитиком или сексопатологом. Кстати, о птичках, надеюсь, у тебя хорошо получается мстить своему старпёру?

– Ещё как! – как-то нервно хихикнула девушка и совсем

плотно прижалась ко мне, отчего мой пенис попытался повертеть дырку в одежде и выглянуть наружу. – Правда, эта старая скотина всё время пытается меня контролировать. Погляди, кого он послал вместе со мной – педика Кошкарёва, Лёху Семенчука – это вон тот крепкий дядька с усами, он работал в Припяти, и теперь у него не стоит, и Евгения Матвеевича Жуковского, тридцать пять лет доблестной работы в Семипалатинске – сам понимаешь.

– Так что же ты терялась с Серёгой? – Моя рука произвольно соскользнула ей на бедро, а её ладонь точно так же нечаянно легла на мою ногу. Рядом с промежностью. – Воспользовалась бы моментом.

– А он не в моём вкусе. – Оксанкина рука превратилась в ковыляющего краба, который обнаружил интересный секрет под материей моих джинсов. – Не люблю наглых говнюков, уверенных, что им не откажут. Вот если бы ты был не женат...

– Ты знаешь, – повернулся я к ней, и моя вторая рука неожиданно для меня самого притянула девушку, – я подозреваю, моя жена мне изменяет...

Честно говоря, сейчас я о ней и не вспоминал. Рядом со мной сидела молодая симпатичная девушка, чья рука поглаживала мой детородный орган, совершенно недвусмысленно говоря о её намерениях. Меня бросило в жар, и я начал подготовку к стыковке наших губ.

– Бедненький, – прошептала Оксанка.

Стыковка состоялась.

Раздеваться оказалось не слишком удобно. Одежда окостенела и упорно не желала сниматься, в то время как руки, дрожа от возбуждения, едва не срывали пуговицы и кнопки. Ко всему прочему мы ещё и непрерывно целовались, сплетаясь языками так, точно во рту поселился выводок обезумевших змей. Наши мешки в первый раз порадовали меня, оказавшись достаточно громоздкими, чтобы скрыть нас от посторонних взоров. Заниматься любовью на твёрдом полу было неудобно. Наверное... Я этого не заметил. Как не заметил и пролетевшего времени, выныривая из сладостного тумана лишь послушать постанывание своей партнёрши.

Только когда всё закончилось, мы отвалились друг от друга, вялые, ничего не желающие. Пока.

Полежав несколько минут без движения, Оксана начала неторопливо одеваться, стараясь не показываться из-за мешков. Весьма разумно, и я чуть позже последовал её примеру, попутно обнаружив отсутствие пары пуговиц. Экипировку мы проделывали в абсолютном молчании, и лишь увидев пистолет, Оксана хотела сделать какое-то замечание, но передумала. Не сговариваясь, мы положили свёрнутые куртки под голову и легли на бок лицом друг к другу. Её рука легла на мою грудь, после чего девушка потёрлась щекой о мою.

– Было хорошо, – едва слышно сказала она, – очень хорошо...

– Мне тоже, – прошептал я и поцеловал её в висок.

Глаза девушки подёрнулись сонной поволокой. Интересно, а ведь, похоже, таким образом она решила снять сегодняшний стресс. Ну и ладно, это было намного лучше, чем водка. И даже прикольнее, чем ванна и холодное пиво.

– Знаешь, – сонно пробормотала Оксана и погладила меня по животу, – странная вещь получается.

– Какая? – спросил я и накрыл её руку своей.

– Есть две группы: крутые и мы, учёные. А вы... – Она помолчала. – Вас и группой-то не назовёшь. Не пришей сам знаешь чему рукав. Странно...

Она умолкла, словно наконец подчинилась увещаниям сна. Однако ресницы закрытых глаз ещё подрагивали.

– Мне было так страшно сегодня, – пробормотала она, – когда эта каменная пасть... Так страшно...

Всё, она окончательно вырубилась, оставив меня размышлять о странных событиях, в которые я оказался вовлечён по самое не балуй. Казалось, эти мысли не дадут даже вздремнуть, но сон имел на этот счёт свои соображения. Стоило на секунду отвлечься, и он моментально слизнул сознание в свои глубины.

Пробуждение было куда неприятнее. Зычный голос Зверя возвестил начало нового дня гулким рёвом: «Подъём, ублюдки!» Вопль заметался под куполом пещеры, словно испуганная птица, и набросился на пробуждающихся людей голодным коршуном. Когда я начал подниматься, то обнаружил неладное: за ночь мою шею поменяли на волчью, по-

ставив при этом множество синяков по всему телу. Кроме того, побаливали ушибленные колени и локти, напоминая, что даже самое хорошее в этой жизни имеет тёмные стороны. Оксаны рядом не было, она улизнула ещё ночью, прихватив свой рюкзак. Из-за этого казалось, будто вчерашнее мне приснилось.

– Кто хочет пожрать, бегите немедленно! – продолжал взрывать Зверь, потряхивая звякающим мешком. – Время у нас ограничено. Думаю, после вчерашнего никому не надо пояснять: это не пустой звук.

Никто в этом и не подумал усомниться. Я так в особенности. Поэтому, стараясь не ворочать ноющей шеей, как можно быстрее отправился за полагающейся порцией. Навстречу мне попала Оксана и, слегка улыбнувшись, кивнула. Когда я кивнул в ответ и стал проходить мимо, она быстро приблизила своё лицо к моему, и её губы легко прошли по моей щеке. Мимолётный поцелуй заставил меня усомниться, что вчерашнее было только снятием стресса или пустой интрижкой. Не могу сказать, что ситуация от этого стала легче и понятнее. Тем более эта девчонка мне очень и очень понравилась. Вот блин! Не было печали...

– Ну как, засадил? – выдохнул Серёга, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения. – И как ты её уломал?

– Ты это о чём? – холодно поинтересовался я. – Приснилось чего?

– Да пошёл ты... – прошипел Сергей и отошёл с крайне

обиженным видом, бормоча о сволочах, которые портят всю малину. Подразумевался, очевидно, я.

Завтрак представлял собой полное повторение ужина, и с внезапным испугом я сообразил: некоторое время мне придётся сожительствовать с полупустым желудком. Упомянутый орган раньше хозяина уяснил, откуда ветер дует, и выразил своё недовольство громким урчанием. Похлопав по недовольному пузу, я тяжело вздохнул и, повинуясь приказам Теодора, начал вползать в лямки рюкзака. Сегодня никто не шутил, не разговаривал и не задавал вопросов, у всех были мрачные недовольные физиономии обречённых людей.

Один Теодор казался светящимся от переполняющей его энергии: придерживая одной рукой ремень автомата, другой он сжимал бритвенный станок, которым ожесточённо елозил по своей физиономии, придавая ей синеватый оттенок. Чёрт, я даже не заметил на его угловатой физиономии полученных вчера царапин!

Зверь, Круглый и Вобла стояли перед змеиной аркой, направляя ослепительные лучи фонариков в её проём, в котором можно было различить начало нового тоннеля. Я разглядел на внутренней поверхности арки остатки ржавых петель, словно когда-то, давным-давно, здесь были ворота.

Теодор подошёл к своим помощникам, разворачивая новую карту, и начал тихий инструктаж. Судя по многочисленным отметкам, именно этот листок они марали вчера на пару со Зверем.

Получив указания, Круглый нырнул в полумрак тоннеля, но тотчас вернулся обратно, кивнув. Консенсус оказался достигнут. Вобла повернулась спиной к своему приземистому товарищу, и тот извлёк из её рюкзака моток верёвки с какими-то блестящими крючками на конце. Приняв эту бухту, Вобла направилась по маршруту, проторённому Круглым.

Кто-то подошёл ко мне сзади и взял за ягодицы, крепко сжимая их пальцами.

– Я тебя хочу, – выдохнул знакомый голос, и Оксанка прижалась ко мне всем телом, – хочу! Немедленно!

– Я тоже, – не поворачиваясь, прошептал я, – но, боюсь, сейчас это просто нереально.

– Тогда вечером. – Её руки продолжали свою ласку, а хриплое дыхание говорило о том, насколько получаемое удовольствие взаимно. – Главное – избавиться от лишних глаз.

Всё это плюс ещё не успевшие стереться из памяти воспоминания вчерашнего вечера настолько завели меня, что я на полном серьёзе стал размышлять, как бы невзначай вернуться в тот самый аппендикс и... К счастью, Зверь не дал мне довести этот идиотизм до его нелогического завершения.

– Сюда, – указал он своей огромной рукой на змеиную арку. – Да быстрее же, засранцы, в порядке живой очереди!

Построением живой очереди руководил Круглый, отдавая неразборчивые указания глуховатым голосом. Сам не знаю, как это получилось, но я оказался в самом начале нашего не слишком длинного ряда и первым нырнул в полумрак тон-

неля. Громко хрустнуло под ногами, и я замедлил шаг, пытаясь рассмотреть, по чём ступают ноги.

Выяснилось – по напрочь сгнившей двери, от которой остались только трухлявые щепки да засов, коричневый от ржавчины. Забавно – засов находился с обратной стороны.

– Иди, иди, – подтолкнул меня Швед, шедший следом, и обдал густым перегаром, – раньше сядешь – раньше выйдешь.

В похмельном голосе мне почудилась скрытая усмешка, но, обернувшись, я не обнаружил на бульдожем лице ничего, кроме собачьей сосредоточенности. Тупые глазки бультерьера уставились на меня из-под низкого лба, и я ощутил укол тревоги пополам с недоумением: какого дьявола я делаю здесь, в этом жутком месте, среди дегенеративных убийц? Э-хе-хе... Ответ скрывался в кармане моей куртки, а вторая его половина маячила где-то в светлом будущем.

Коридорчик был очень даже короткий и заканчивался отвесным склоном, по которому я едва скатился. В последний момент, когда я уже начал помахивать руками, готовясь к спуску на четырёхметровую глубину, меня ухватил за куртку подскочивший Швед.

– Не торопись, – сказал он, ухмыляясь, – ещё не время. – Теперь издевательская насмешка в его голосе стала очевидной. – Цепляйся за верёвку, – мотнул он своей бильярдной головой, – и чухай вниз.

Я увидел Воблину верёвку, закреплённую массивной ско-

бой, вбитой в камень. Где-то внизу мелькнул свет фонаря и упёрся в моё лицо. Голос Воблы недовольно каркнул:

– Вы чё там?! Трахаетесь? Давай вниз.

– Валяй, валяй, – ободряюще гыгыкнул Швед.

Ненавижу отвесные стены четырёхметровой высоты! Ненавижу спускаться по отвесным стенам четырёхметровой высоты! Ненавижу спускаться по отвесным стенам четырёхметровой высоты в полной темноте да ещё с тяжеленным рюкзаком за спиной! М-мать!.. Долбанный мешок потянул вниз, и, получив чувствительный ожог ладоней, я едва успел остановить свободное падение. Неразличимая в темноте стена метнулась к лицу, и я с трудом успел убрать нос, спасая его от превращения в лепёшку. Ощущая боль в обожжённых ладонях и неприятную слабость во всём теле, я продолжил спуск, размышляя, не было ли ошибкой определение высоты в четыре метра. Спуск всё продолжался и продолжался, а проклятый мешок всё больше оттягивал плечи назад, уговаривая закончить всё как можно быстрее. Ещё минута, подумал я, и мои руки не выдержат.

Где-то над головой раздался сердитый голос Воблы:

– Ты думаешь отцепляться от этой долбаной верёвки?

От неожиданности я разжал пальцы и камнем рухнул вниз. С десятисантиметровой высоты. Ноги подогнулись, и я шлёпнулся на задницу до щелчка в зубах.

– Как же ты меня достал! – сказала эта фурия и, подняв на ноги, прислонила к стене. – По-моему, кроме как потра-

хивать смазливых баб, ты больше ни на что не способен.

— Интересно, — сказал я, тяжело дыша, — сколько человек нам вчера держали свечку?

— Трахаться надо было потише, — отвела глаза в сторону Вобла, — стонали, как придурки.

Я только открыл рот на это излияние. По-моему, эта бездушная воительница оказалась смущена. Вот это номер!

Вобла отошла к тросу, содрогающемуся под тушей Шведа. Этот коридорчик был ещё короче предыдущего. В его конце мерцало светящееся пятно, и моё любопытство, благополучно дремавшее всё последнее время, пробудилось, позёывая и потягиваясь. Продрав глаза, оно немедленно погнало меня вперёд посмотреть, не найду ли я каких-нибудь приключений на свою задницу. Светлый участок становился всё больше, и, пройдя тоннельчик до конца, я понял, что вижу светящийся пол огромного зала, вся верхняя часть которого была погружена во мрак. Сияющий пол состоял из шестиугольных плит, прораставших тонкими столбами, исчезающими по мере того, как они поднимались во мрак. Этих колонн было несчитанное множество, и за их чащей совершенно скрывалась противоположная стена этой пещеры. А судя по тому, как расходились стены, зал имел поистине исполинские размеры.

Смутная тень мелькнула у основания одной из колонн, на мгновение скрыв голубоватое сияние. Тень величиной с ротвейлера и такой же комплекции. Поправив лямку сползаю-

щего рюкзака (надевал ведь сам, без помощи Круглого), я взял в руки автомат и направил его туда, где мелькнула тень. Ничего не происходило. Тогда я осторожно скосил глаза и обнаружил, что оружие (ну естественно!) стоит на предохранителе. Чертыхнувшись, я сдвинул флажок, и в ту же секунду кто-то больно сжал мою руку, потянувшуюся к спусковому крючку. Я шарахнулся было в сторону, однако рука Теодора, сжимающая мою, удержала меня на месте.

– Спокойнее, молодой человек. – Он разжал пальцы и вышел вперёд. – Не стоит лишний раз открывать огонь. Особенно когда в этом нет никакой надобности. Вспомните предупреждение... гм... Зверя.

Странная у него была манера выражаться, старомодная какая-то. Похоже, этот мужик обчитался старых книг, этого, как его, Акунина. А может, и ещё каких-нибудь. Откуда у него взялась бы карта этих подземелий, да и книга та, при помощи которой нарик отправился в каменную пасть? Да кто вообще такой наш предводитель? Человек, за всё это время не произнёсший ни единого матерного слова?! Клинический случай...

Оттолкнув меня в сторону, мимо прошествовал Круглый, следом за которым потянулся наш караван. В такой толпе съест первым меня не должны, решил я и спокойно вошёл в зал с колоннами, ощутив, как морозные колючки вцепились в кожу лица. Из рта вылетело облачко пара, а в носу защищало – в этом месте морозило, как на Северном полюсе! Све-

тящийся пол скользил под ногами, точно хорошо отполированный лёд, и я, сделав пару шагов, едва не приложился задницей к одной из шестиугольных плит. В самый последний момент успел ухватиться рукой за колонну и тут же зашипел от боли – ледяная до ожога, она казалась раскалённой.

Круглый повёл лучом фонаря по частоколу колонн, а потом, запрокинув голову, поднял столб света вверх. Издав нечленораздельный возглас, Теодор ударил по фонарю, едва не вышибив его из рук ничего не понявшего парня. Не знаю, узрел ли чего Круглый, но меня увиденное поставило в полнейший тупик. Колонны уходили всё выше и выше, туда, куда уже не в силах был достать даже луч мощного фонаря. Метров пятьдесят по меньшей мере – такова высота этого зала. А ведь с начала путешествия мы опустились под землю метров на десять, не больше. Никаких гор в округе не было. Мне пришла в голову мысль о зеркалах, но тут же исчезла – луч света не отражался от потолка, он просто уходил ввысь, пока не рассеивался. Куда мы попали? Что это за проклятое место, где оживают стены, водятся непонятные твари и наличествуют такие пещеры?

В голову пришло лишь воспоминание о прочитанном «Мастере и Маргарите», а именно тот момент, где Бегемот рассуждает о четвёртом измерении. Похоже, наше помещение кто-то тоже увеличил до чёрт знает каких размеров. Хрень какая-то. Всего этого попросту не могло быть. Мысль о кошмарном сне вновь и вновь возвращалась в голову. Уж

лучше так, чем воспринимать этот бред в качестве реальности. В любом случае мозги уже отупели, ворочаясь в глубинах психоанализа. Поэтому, пока мы шли между колоннами, поскальзываясь на плитах этого светящегося катка, я лишь бездумно рассматривал своё размытое отражение, по-нуру передвигающее ноги с противоположной стороны параллельного мира. То ли температура уменьшилась, то ли я начал замерзать, переставая ощущать кончики пальцев на руках. Приходилось отогревать их дыханием.

Теодор и Зверь решительно шагали впереди, уверенно сворачивая между колоннами, будто в этом мире холода и однообразия у них существовали некие им одним заметные ориентиры, позволяющие не сбиться с пути. Начав присматриваться, я действительно обнаружил на поверхности одной из колонн метку, похожую на короткую стрелку. Она не выглядела особо древней, и, не удержавшись, я провёл по ней пальцем. Посыпалось ледяное крошево, стрела стала намного чётче, а палец тут же онемел.

– Увидел чего? – поинтересовался Швед, остановившись около меня.

– Ничего, – угрюмо буркнул я, – отдохнуть остановился.

– На том свете отдохнёшь, – хмыкнул лысый засранец и прошёл мимо, пробормотав что-то наподобие: «Уже недолго осталось».

Широкая спина водителя мелькала впереди, и я совершенно отчётливо понял: именно его ненавижу. Кто-то из

группы мне не нравился, кто-то раздражал, а вот этого ублюдка я ненавидел. Хотелось поднять автомат, нажать на спуск и посмотреть, как этот урод будет кувыркаться на полу, разбрызгивая свою гнилую кровь. Получившаяся картинка оказалась чёткой, точно реальность, и я никак не мог понять, почему этот говнюк продолжает шагать вперёд, а не скользит к ближайшей колонне, оставляя за собой алый след. Тяжело вздохнув, я ещё раз провёл пальцем по ледяной стрелке и поспешил за удаляющейся группой.

Впереди треснул выстрел, и гневный голос Теодора раскатился между колоннами, словно тревожный набат. Выяснилось, отповедь руководителя относилась к Круглому, который растерянно разводил руками.

– На кого я могу положиться, – повернулся Теодор к Зверю, мрачно взирающему на своего подопечного, – если ваши лучшие люди ведут себя подобно неофитам? Сколько я могу повторять: в этом месте стрелять не рекомендуется. Ну и посмотрите, к чему это привело, – поднял он руку.

Все притихли, вслушиваясь в абсолютную тишину. Нет! Откуда-то сверху, из темноты, донёсся звук, напоминающий тот, который издаёт материя, хлопающая на ветру. Одиночное поначалу шлёпанье стало множиться, превращаясь в оглушительный рокот океанского прибоя. Во мраке, куда уходили тонкие стволы колонн, появилось множество багровых точек, стремительно увеличивающихся в размере.

– Это глаза, – прошептала Оксана, стоявшая рядом. – О

боже, сколько их!.. Мне страшно...

Жутко стало не только ей. По мере того как красные фонарики увеличивались в размерах, во мне нарастало чувство безнадежной обреченности.

– Уходим! – сказал я, заметив, как остальные, ведомые Теодором, быстро удаляются. – Да сваливаем!

Хлопанье крыльев (а чем это ещё могло быть?) стало оглушающим. Не знаю, какой величины были эти твари, но точки их глаз уже превратились в автомобильные фары и продолжали увеличиваться. А ведь тварюки ещё не преодолели и половину разделяющего нас пространства.

К счастью, спасение оказалось совсем рядом – повернув за очередную колонну, мы оказались перед узким, не шире полуметра, лазом в стене, откуда в ледяную пещеру проникал рассеянный зелёный свет. Правда, в настоящий момент свет не поступал, поскольку лаз был наглухо перекрыт массивной задницей Шведа, покидавшего сие славное место. Стоило этой заднице освободить проход, и я тут же забросил туда Оксану, удерживаясь, чтобы не полезть первому. Зверь, стоявший около стены, молча мотнул головой, и я, моментально скинув рюкзак и пихая его перед собой, нырнул в лаз. За спиной послышался скрежещущий звук омерзительного вопля, оборванный длинной очередью из автомата. Мне наподдали сзади, вытолкнув, как пробку из бутылки, и сразу за мной вывалился Зверь, дышащий точно бегун после марафонского бега. Едва мы выбрались наружу, как Теодор захлопнул

массивный металлический люк с изображением жуткой крылатой твари, скалящей клыкастую пасть. Громко щёлкнули шесть запоров, расположенные по окружности люка, и наш предводитель облегчённо вздохнул, ослабив воротник бушлата.

Утробно скрежетнуло с обратной стороны запертого люка, и через металл прорвалось гулкое эхо слышанного мной ранее вопля. На всякий случай я отодвинулся подальше, мало ли какая гадость притаилась с другой стороны металлической крышки.

– Слава богу, – сказал Теодор, косясь на Круглого, успевшего вернуть на своё азиатское лицо маску невозмутимости, – что мы находились так близко к выходу. Будь мы чуть дальше...

Он не договорил, покачав головой, но на его лицо легла тёмная тень. Почему-то мне не хотелось напрягать воображение и представлять ту мерзопакость, которая опускалась к нам из мрака.

– ...! – с чувством выдохнул Зверь и изо всех сил ударил Круглого кулаком в живот. Тот тихо крякнул и согнулся. – Знал бы ты, мудолом, какое дерьмо я там видел! Самого бы засунуть в эту жопу!

Тяжело дыша, Круглый выпрямился и потёр ушибленное место. Похоже, он собирался возразить, но передумал. Возможно, причиной тому была Вобла, с тихим шиканьем вонзившая ему в бок свой локоть. Остальные не обращали вни-

мания на эту краткую разборку, но вовсе не из опасения получить свою долю оплеух. Их внимание оказалось приковано к зрелищу новой пещеры, куда мы угодили.

Эта была ещё больше предыдущей (откуда, чёрт побери, берутся эти пространства?!) и освещена намного лучше. Стены исполинского помещения уходили на огромную высоту, где соединялись в купол, фосфоресцирующий слабым красноватым светом. Мне виделось, будто с потолка на нас взирают огромные изображения чьих-то печальных лиц. Но были ли это действительно картины невероятных размеров или просто игра теней, не знаю. Гигантские колонны, напоминающие оплывшие свечи, вырастали из бугристого пола и, изгибаясь под невозможными углами, вонзались в потолок. Я взирал на это в недоумении: как подобные конструкции – природные они или нет – умудряются стоять, не разрушаясь?

Мы находились на небольшой площадке, окружённой невысоким барьером, сохранившим следы древней лепки. Сейчас эти скульптурные изыски седой древности напоминали неудачные копии человеческих гениталий. Балкон возвышался над полом пещеры метров на десять, и от него вниз вела крутая узкая лестница, состоящая из выщербленных потрескавшихся ступеней. Насколько я мог заметить, подобных балкончиков было не менее двадцати, правда, большинство из них было завалено каменными обломками, преграждавшими путь возможному путешественнику. Неровная каменная поверхность пола походила на ялтинский пляж с

его изобилием овальных булыжников. Кое-где между колонн я заметил проплешины, посреди которых чернели круглые отверстия, защищённые низким бордюром. Эти дыры напоминали колодцы, но по какой-то причине вызывали сильное беспокойство. Казалось, будто это глаза огромного злого существа, наблюдающего за незваными пришельцами.

– Может, немного передохнём? – заикнулся тот, кого Оксана назвала Евгением Матвеевичем Жуковским. – Ноги всё-таки болят после вашего катка.

– Тебе сообщат, когда наступит время примостить задницу, – отрезал Швед, который с каждой минутой вёл себя всё увереннее.

– Привал будет сразу после того, как мы пройдем этот участок, – негромко сказал Зверь и положил руку на плечо лысому, отчего тот пригнулся к земле: – А ты заткнись. Здесь указания отдаю я.

– На запад от четвёртого колодца, – пробормотал Теодор, присев на плоский камень и разглядывая разложенные вокруг карты. В руках у него обозначился знакомый мне чёрный том. – Хоть убей, не понимаю, чем руководствовался Казимир. Казалось, он ничуть не задумывался, когда выбирал нужный колодец.

Зверь склонился над ним и подобрал один из листов, задумчиво поворачивая его. Потом он посмотрел на панораму зала и похлопал Емельяновича по плечу. Когда тот поднял голову, гигант показал ему некую точку на карте, а затем вы-

тянул палец вперёд. Лицо Теодора просияло.

– Огромное спасибо, – поблагодарил он, укладывая карты в планшет, – откровенно говоря, я не скоро догадался бы проверить именно этот план.

– Без проблем, – невозмутимо откликнулся Зверь, – у меня идеальная память на подобные вещи.

– Почему-то мне не по себе, – сказала Оксана, стоящая за моей спиной. Обернувшись, я увидел, как она подозрительно косится на огромные колонны, тлеющие бледно-зелёным сиянием. – Возможно, я чересчур часто повторяю одно и то же, но это проклятое место доводит меня до безумия. Может, это какой-то эксперимент? У меня крыша начинает съезжать, когда я пытаюсь представить, где мы можем находиться.

– С радостью бы тебя успокоил, – мрачно отозвался я, придвинувшись к ней и поглаживая крутые бёдра, обтянутые джинсами, – однако должен признаться, мне и самому до охренения страшно.

Её попка напряглась, стоило моим пальцам пройти по упругим полушариям, и мы слегка соприкоснулись губами. Все страхи отошли на второй план. Даже недобрый взгляд колодцев-глаз перестал давить на затылок, когда волна возбуждения, нарастая, прошла по моему телу. Следующее касание губ было уже совсем не мимолётным, так что языки успели назначить друг другу свидание и даже поболтать о каких-то глупостях. Чёрт, это какое-то наваждение! Мы же сто-

ляли на виду у всех! Отстранившись от девушки, я успел поймать несколько разнокалиберных взглядов: завистливый – от Серёги; осуждающий – от Жуковского; изучающий – от Вобы.

– Идём очень тихо, – приказал Теодор. – Никаких разговоров, ни малейшего шума. Это вопрос выживания, поймите.

– Очень тихо, – повторил Зверь и до хруста сжал огромный кулак.

Намёк оказался весьма доходчивым.

На этот раз руководитель не прятал загадочную книгу, а продолжал держать её в руках. Осторожно ступая по щербатым ступеням, он начал спуск по древней лестнице. Ноги он ставил так, чтобы ни малейший кусочек камня не попал под подошву ботинок. Очевидно, в требуемой тишине существовала определённая необходимость. После ледяной пещеры, с её глазастыми тварюками, едва не сделавшими нам бо-бо, я постарался шагать, как маленькая мышка, которой вздумалось водить хоровод вокруг спящего кота.

Но высказанное пожелание дошло не до всех: Швед оглушительно чавкал жвачкой, шевеля при этом плоскими ушами. От этих усилий по его лысине пошли поперечные складки, отчего она приобрела определённое сходство с... Хрен в пальто, короче. Юра, изрядно сдавший за последнее время, понуро брёл вниз, загребая ногами и спотыкаясь на каждой ступеньке. Естественно, это вызывало целый водопад катя-

щихся осколков. Сергей, напротив, был чересчур возбуждён и бормотал себе под нос некую скороговорку, посапывая от злости.

В такой достаточно громкой тишине мы спустились и ступили на странный подземный пляж. Теперь гигантские колонны, удерживающие свод, казались ещё больше, напоминающая исполинские стволы доисторических деревьев, засохших в незапамятные времена. Я в полной мере ощутил бы подавляющую величину этих великанов, если бы не тёмные зевы колодцев, разбросанных по всему пространству пещеры. От них исходили флюиды такого безграничного зла, что ледяные мураши от ужаса спрятались на моей спине и ползали по ней, протыкая кожу острыми лапками. Как я заметил, Теодор постарался проложить наш маршрут как можно дальше от зловещих отверстий. Но расстояние не помешало мне заметить массивные металлические крышки, удерживаемые на месте широкими запорами, которые сохранились на некоторых колодцах. На большинстве же люки отсутствовали, и лишь кое-где взгляд натёкался на их посеревшие от пыли остатки. Именно около отверстых дыр зло становилось физически ощутимым.

Семенчук, сорокалетний мужчина с покатыми плечами и кривоногий, словно кавалерист, достал из кармана куртки небольшой приборчик и повёл им из стороны в сторону. Приспособление едва слышно щёлкнуло, и Семенчук поднёс его к глазам. Удивлённо хмыкнув, учёный покачал головой

и спрятал прибор обратно.

Остановившись около щербатой поверхности колонны, Теодор посмотрел на блестящий кругляк, зажатый в ладони. Кажется, это был компас или его подобие. Сориентировавшись, руководитель махнул рукой в сторону одной из лестниц, и все направились туда, запрокидывая голову в попытках рассмотреть колонну на близком расстоянии. Странное дело, этот столб-переросток показался мне живым, хотя откуда у меня возникло это впечатление, я не понял. Видимо, не только я чувствовал подобное, потому что Жуковский догнал Теодора и принялся яростно шептать ему в ухо, указывая пальцем в сторону колонны. Емельянович отрицательно качнул головой, и старый учёный разочарованно отстал.

Оксана слегка сбавила темп и, оторвавшись от своей группы, пошла рядом со мной. Её рука как бы невзначай упала с лямок рюкзака и повисла вдоль тела. Я повторил этот нехитрый жест, и наши ладони соединились, переплетаясь пальцами. Не знаю, какое чувство двигало девушкой. Да и во мне присутствовало нечто непонятное... Это было больше, чем обычное желание, но что? Времени получше узнать друг друга было слишком мало, а посторонних глаз вокруг – слишком много. Может, потом, после того, как мы выберемся из этой преисподней, чем бы она ни была. Пока же я мог только размышлять, как бы получше устроиться сегодняшним вечером, укрывшись от назойливого внимания. Странно, почему никто из крутых не попытался воспользоваться момен-

том вседозволенности?

Мысли о грядущем сексе были весьма грубо прерваны. Меня окатило такой волной ужаса, что мороз продрал по коже, а Оксана едва не запрыгнула на мои руки. Оказывается, именно в этот момент мы проходили мимо одного из колодцев, причём на очень малом расстоянии от проклятой дырки. Эта шахта выглядела самой старой из всех, и остатки разрушенной крышки, похоже, резали автогеном. Изнутри. На каменном пяточке вокруг колодца я заметил жирные чёрные пятна, отвратительные до тошноты. Хорошо, зловещее место быстро осталось за спиной, позволив вздохнуть полной грудью. Я погладил идущую рядом девушку по руке и поцеловал в ледяную щёку. Она порозовела и благодарно улыбнулась.

В этот момент мы достигли выхода из пещеры.

Почему-то мне казалось, что мы будем подниматься по лестнице к балкончику, подобному тому, с которого спустились. Выяснилось, у подножия лестницы имеется ещё один вход с массивной дверью, распахнутой настежь. Туда мы и направились.

И снова короткий коридорчик привёл всех к выходу в длинный, широкий тоннель, полого уходящий вниз. Стены его светились холодным голубым сиянием, а пол покрывали шестиугольные плиты, плотно прилегающие одна к другой. Именно здесь Зверь сбросил с плеч свой рюкзак и объявил привал.

Нисхождение

Оксана сразу опустилась на пол и, болезненно морщась, начала стаскивать сапог. Обычное дело, если бы я не надел свои давным-давно разношенные сапожищи, неизвестно, какие бы мозоли пришли в гости ко мне. Я сбросил осточертевший груз на пол и подошёл к страдальце, дабы облегчить её мучения лёгким массажем. Как в своё время говорил Марселас Вега, массаж ног – это не просто массаж.

В очередной раз моим планам было не суждено сбыться. Не успел я присесть, как рядом со мной оказался Зверь, грубо приволокший за руку ловеласа-неудачника. Сергей выглядел весьма и весьма обескураженно. Задний план сей картины весьма любопытно оживлялся Воблой, которая что-то втолковывала Теодору и при этом указывала рукой на... меня? Наш руководитель сделал отрицательный жест, и амазонка, пожав плечами, отошла. Взгляд, посланный ею, мне очень даже не понравился.

– Такие дела, братишки, – сказал Зверь, глухо покашливая, – имеется одно небольшое дельце, которое вам нужно обстряпать, перед тем как ваши задницы получат покой.

У меня время от времени появляется предчувствие надвигающейся опасности, которое выглядит как далёкий перезвон колокольчиков. Стоило гиганту произнести свою фразу, и в моих ушах взвыла настоящая сирена. Вроде ника-

ких оснований для тревоги, но мне стало так плохо, словно я наелся тухлятины.

– И чё надо сделать? – Сергей выглядел недовольным, не больше.

– Вернётесь в тот зал, откуда мы пришли. – Казалось, Зверь с огромным трудом подбирает нужные слова. – Подойдёте к ближайшему колодцу и бросите в него по гранате. Естественно, они должны взорваться. Выждите полминуты после взрыва и бросите ещё по одной, у вас их как раз по две штуки.

– И зачем это? – забыв о предупреждении, спросил Серёга.

– Так надо, – мягко, чересчур мягко, ответил Зверь.

Я проглотил сухой ком песка, неведь как угодивший в моё горло, и, похрипывая, сказал:

– А почему бы не послать людей, которые лучше обращаются с гранатами? Взорвём ещё себя на фиг...

Великан внимательно всмотрелся в моё лицо, потом медленно перевёл взгляд на Воблу, стоявшую, скрестив руки, около стены. Лицо женщины выглядело почти таким же загадочным, как лик Джоконды.

– А за кой хрен вы бабки получаете? – Уже начав фразу, Зверь сообразил, когда и где раньше он произносил эти же слова, и недовольно поморщился, но продолжил: – Или вы хотели до финиша брести за чужими спинами? Поэтому валите немедленно!

Сергей больше не спорил. Поправив автомат на груди, он плюнул и побрёл к выходу в зал. Следом за ним, с трудом волоча непослушные ноги, поплёлся и я. Выходя, я бросил взгляд на Оксану, склонившуюся над натёртой ногой. У меня возникло чёткое ощущение, что я вижу девушку в последний раз.

– Ну, ты идёшь, – недовольно буркнул Сергей, поджидая меня. – Как баб трахать, так он первый, а как дело делать – почему не кто-то другой?

– Да не будь же ты идиотом! – едва не завопил я, догоняя его. – Ты не видишь, нас пытаются подставить!

– Подставить? – Он хмыкнул. – Всего-навсего кинуть парочку гранат в колодец.

– Ага, – нервно хихикнул я. – Помнишь того нарика, размоленного в брызги? Его всего-навсего послали ощупать крышку люка!

– Пошёл ты на... – буркнул Сергей. – Меня больше пугает автомат Зверя, чем твоя болтовня. А с таким козлом, как ты, я вообще не хочу разговаривать.

Судя по всему, для этого представителя хомо уведённая женщина являлась самым жутким оскорблением, которое он не простит мне до самой смерти. И самое неприятное, похоже, прощения осталось ждать совсем чуть-чуть. Понять бы только, откуда ожидать удара, попытавшись избежать его. Но возвратиться мы тоже не могли, тут Серёга был прав, этого Зверь не простит. Пока эти мысли испуганными хорьками

метались по переплетениям извилин, мы выбрались в чёртову пещеру с её источающими зловоние ужаса колодцами.

Не раздумывая ни секунды, Сергей направился к тому, который вызвал у меня наибольший ужас, – именно он был самым близким к выходу. Чудилось, даже камни рядом с этой дырой хрустели под ногами как-то особенно, порождая своим треском судороги всех мышц одновременно. Пальцы мои намертво вцепились в рукоять автомата, и я перестал их ощущать. Одна из чёрных клякс, на которые я обратил внимание, оказалась совсем близко, и меня едва не вывернуло наизнанку от внезапного приступа тошноты. Почему-то мне показалось, будто тёмное пятно напоминает силуэт человека, раздавленного катком.

Сергей подошёл к барьеру, ограждающему колодец, и поглядел вниз. Наклонившись, он долго всматривался во мрак шахты, а потом приложил ладонь ко рту и громко закричал: – Эге-гей!

Не было даже самого слабого эха – вопль заглох так, словно был послан в огромную пуховую подушку. Крикун оказался несколько обескуражен, но тем не менее деловито вытащил из кармана гранату и повертел ребристое яйцо в ладонях.

– Блин, – пробормотал он с видом знатока, – хоть бы себя не взорвать. Ну, какого ты там телишься? Давай по-быстро-му захреначим эту срань и отвалим отсюда. Почему-то у меня нервишки пошаливают от этой долбаной дыры.

Нервишки у него, видите ли, пошаливают! Я с трудом доволоок чугунные ноги до ограды колодца и, сглотнув комок, тоже заглянул в тёмный зев провала. Воображение разыгралось при этом не на шутку: я совершенно отчётливо видел, как мрак внизу шевельнулся и посмотрел на меня. Уж не знаю, чем эта чёртова темнота может смотреть, но она смотрела, это точно!

– Кидаем? – нарочито бодро спросил Сергей, взвешивая на ладони гранату.

Говорить я не мог, не в силах разлепить намертво сцепившиеся зубы, поэтому молча достал лимонку и, отогнув предохранитель, выдернул кольцо. Серёга проделал те же манипуляции, и обе близняшки нырнули во мрак колодца, мгновенно растворившись в угольной черноте. Мой напарник тут же достал вторую гранату, а меня словно парализовало – я не мог пошевелить даже мизинцем.

Казалось, прошли тысячи лет, и взрывы давно должны были прозвучать, но секунды продолжали тянуться бесконечным караваном, ступая по натянутым нервам. Наконец откуда-то из самой преисподней донёсся глухой гул двойного взрыва, и слабый отблеск мелькнул на невероятной глубине. Тотчас же громко лязгнуло за нашей спиной, и я обернулся, догадываясь, предчувствуя, зная то, что увидел мгновением позже. Дверь, через которую мы вернулись в пещеру, была закрыта, отрезав нам путь к отступлению. Какое бы дерьмо нас ни ожидало, мы оказались с ним один на один.

– Какого хрена?! – завопил Сергей. – На фиг они дверь закрыли?!

До него ещё не дошло.

Я заглянул в колодец и понял: мрак больше не смотрит на нас. Он стремительно поднимается вверх.

Боюсь, нервы мои сдали окончательно: пронзительно взвизгнув, я понёсся прочь от кошмарной дыры. Ужас во мгновение ока загнал меня на полуразрушенную лестницу, которая поднималась к площадке, нависающей над запертой дверью. Лишь оказавшись на самом верху, около изуродованного металлического люка, оставившего щель между отогнутой крышкой и осыпающейся стеной, я сумел кое-как взять себя в руки.

Сергей продолжал стоять около колодца, и даже на этом расстоянии я сумел разглядеть выражение крайнего удивления на его лице. Смотрел он в мою сторону.

– Эй! – крикнул он, и в его голосе прорезался истерический смешок. – Ты чё, рехнулся?!

Похоже, он собирался продолжать в том же духе, но следующая фраза застряла в его глотке, прорвавшись громким продолжительным сипом. Из колодца выплеснулась чёрная волна маслянистой жидкости, похожей на овеществлённую тьму. Сергей выронил глухо звякнувшую гранату и попятился от набегающей чёрной гадости. Жидкость продолжала лениво фонтанировать из дыры, распространяясь во все стороны, но я заметил вещь, испугавшую меня до колик в живо-

те: тёмный язык отделился от общей массы, устремившись следом за пятящимся человеком. Скорость этого отдельного потока была намного больше и возрастала с каждой секундой, поэтому очень скоро он должен был коснуться Серёгиных ног.

Не знаю, какова была природа зловещей фигни, но, увидев её, я понял одно: именно этого я и должен был бояться. Если раньше зло, скрытое на дне колодца, испускало лишь приглушённые волны ужаса, то теперь они свободно разливались в воздухе, лишая всяких сил.

– Помогите! – прохрипел Серёга, неотрывно глядя на жидкость, выползающую из колодца.

В эту самую секунду чёрный язык настиг его, окружив со всех сторон. Ничего не произошло. Когтистая лапа не ухватила человека за ноги, острые клыки не вцепились в его горло... Сергей медленно, словно засыпая, поднял автомат и заслонился им, будто яркий свет ударил ему в лицо. Чёрная дрянь хлынула ему под ноги, и парень провалился вниз, словно под ним открылся не замеченный ранее люк. По жидкости пошли едва заметные круги и сразу исчезли. Человек пропал, словно его и не было.

Было огромное желание завопить изо всех сил, но мышцы горла оказались сведены истерической судорогой, и я смог выдавить из себя только пронзительный писк. Визжа, точно сломанный пылесос, я попятился к искорёженному люку, глядя на чёрную дрянь, скользящую к ступеням, ведущим на

мой балкончик. Не было никаких сомнений, что жидкость (если это была жидкость!), проглотившая Сергея, устремилась за мной. Причём скорость этой фигни ещё намного выросла, и теперь она могла обставить бегущего человека.

Мысль об оставшихся мне считанных секундах жизни заставила штурмовать узкую щель между люком и стеной. Забросив внутрь автомат, я начал протискиваться, цепляясь за выступы стены и кромку люка. Куртка трещала по швам, ногти ломались, вынуждая шипеть от боли, а голова получила несколько хороших шишек, но цель оказалась достигнута – мало-помалу я продвигался вперёд. Пятки буквально горели от предчувствия касания тёмной гадости, и это ещё больше придавало сил, превращая меня в самого энергичного червяка в мире.

Узкий проход наконец выпустил меня, и я вылетел, точно пробка из бутылки, шлёпнувшись на собственный автомат. Времени осмотреться не было, и единственное, что я понял: меня занесло в крохотную пещеру, стены которой состояли из высоких кристаллов коричневого цвета. В противоположной стене на двухметровой высоте находилось большое, широкое отверстие... Зарывав от отчаяния, я швырнул туда автомат и начал подпрыгивать, пытаясь уцепиться за скользкие края. С третьего или четвёртого раза мне это удалось, но, как только я начал подтягиваться, пальцы соскользнули, и земля с радостью встретила меня. За спиной тихо булькнуло, и почти без разбега я запрыгнул в дыру.

Здесь я на мгновение задержался, оглянувшись. В коричневый зал медленно втекала чёрная струя, тихо шелестящая в своём зловещем движении. Вопреки всяким физическим законам жидкость карабкалась вверх по отвесной стене, продолжая преследовать меня. Издав идиотский смешок, я пополз по крысиной норе, в которой находился. Узкий лаз вёл прямо, слегка уходя вниз. При каждой попытке увеличить скорость ползка куртка цеплялась за какой-нибудь камень, и я бился лбом о стену.

Наклон лаза вдруг увеличился, а поверхность камня стала отполированной до блеска, будто эту нору тщательно шлифовали. В связи с этим метод передвижения был откорректирован: я потерял равновесие и на огромной скорости заскользил по наклонной. Теперь я, наоборот, стремился затормозить, упираясь в стены руками, но помогало это мало. А кончились эти попытки так и вовсе хреново: зацепившись ногой за какой-то выступ, я перевернулся на спину и уже без задержек устремился вниз следом за улетевшим оружием. Единственный плюс в этой ситуации – теперь я мог наблюдать за тем, как лаз в нескольких десятках метров позади наполняется бурлящим мраком.

А потом вокруг меня появилось открытое пространство, наполненное золотистым блеском. Очень много открытого пространства и свиста в ушах. Не успел я сообразить, что это означает вообще и для меня в частности, как земля в который раз за эти два дня жёстко приняла моё очень бренное

тело в свои крепкие объятия, окончательно выбив из него слабый дух. Свет в голове мигнул и погас, а я отправился в царство сумеречных сновидений, где нет ни страха, ни боли.

К сожалению, подобное счастливое состояние длится весьма недолго. Яркий свет разорвал мои веки, и боль моментально заполнила каждую мою клеточку. Соображал я с огромным трудом. Какое-то твёрдое дерьмо сильно давило мне на хребет. А надо мной из круглого отверстия в жёлтом потолке нависала огромная чёрная капля. Непонятное образование пульсировало в такт ударам крови, блуждающей в недрах моей несчастной головы. Почему-то я решил, будто лежу под водопроводным краном, и начал распахивать рот, намереваясь вдоволь напиться воды.

И тут шестерёнки мозга встали на место, а меня словно молниейшибануло. Чёрная дрянь, пожравшая Серёгу, наконец догнала меня и теперь тяжело выкатывалась из жёлоба, по которому я прибыл сюда, собираясь проглотить. Надо было куда-то бежать, спастись, но силы окончательно покинули моё избитое тело, оставив беспомощно дожидаться наступления смерти, пульсирующей всё ниже и ниже. Я уже мог видеть своё искажённое отражение в тёмной поверхности кошмарной капли, которое нетерпеливо гримасничало в ожидании того момента, когда мы сольёмся воедино.

Подобного ужаса я ещё никогда не испытывал. Хотелось завопить, взмахнуть руками или хотя бы опорожнить мочевой пузырь, но ничего из перечисленного сделать не полу-

чалось. Под огромным чёрным пузырьём лежала пустая оболочка, наполненная бездной нескончаемого ужаса.

Моему внутреннему воплю кто-то ответил! Может, наступающая смерть принесла с собой галлюцинации, но я слышал человеческие возгласы, крики о помощи и безумное верещание свихнувшегося от ужаса человека. Всё, это определённо конец. Пытаясь не видеть, как вязкая мерзость коснётся лица, я закрыл глаза. В голову пришла абсолютно идиотская мысль, что заначенные деньги надо было отдать жене, потому что сейчас они пропадут вместе со мной. А я хотел приобрести на них так много! Во-первых... Кстати, а почему я ещё до сих пор не умер?

Я открыл глаза и увидел множество очень хороших вещей. Жёлтый потолок, чёрную дыру в нём, пологие стены, опускающиеся к чашеобразному полу, и россыпь прозрачных кристаллов у полузасыпанного лаза в стене. Самое приятное: тёмной дряни, гнавшейся за мной, не было! Мне всё-таки удалось спастись!!!

Я открыл рот и закричал. Казалось, даже стены ответили моему воплю, дребезжа, словно надтреснутый стакан. А потом я понял одно: мне необходимо срочно встать, или дальше придётся путешествовать с мокрыми и вонючими штанами. Не знаю как, но мне удалось подняться, и, едва не вырвав молнию на штанах, я пустил такую струю, которой можно было прошибить стену.

– Бла-бла, – бормотал я, не совсем понимая собственной

мысли. — Слава богу, чёрт поберет!

Только приведя себя в относительный порядок, я вновь ощутил, насколько болит моё несчастное тело, и, покряхтивая, опустился на пол. На автомат я смотрел с чётко осознаваемой ненавистью: именно он и давил мне на спину, когда я валялся на полу.

Пещера, в которую я угодил, оказалась небольшим тёплым помещением, наполненным ярким жёлтым сиянием, исходящим от стен и потолка. Из солнечных стен, будто чьи-то глаза, выглядывали полупрозрачные синие камни, россыпь которых я заметил чуть раньше. Попади я сюда в другом настроении, потратил бы уйму времени на изучение красивого интерьерчика. Сейчас же я просто лежал, ошарашенный единственной мыслью, что моя жизнь продолжается. Ничего не хотелось, никуда я не стремился, достаточно было лежать на полу, слыша собственное дыхание в абсолютной тишине.

Так я лежал до тех пор, пока в опустевшей голове не появились мысли посложнее.

Я подумал: а как же буду отсюда выбираться? Дороги я не знал, во всяком случае какой-нибудь другой, способной вывести наружу. Тот путь, который привёл меня в эту пещеру, определённо не располагал к повторной прогулке. Чёрная гадость, жрущая людей без остатка, фароглазые тварюки в ледяном зале, когтистое чудовище в зелёном коридоре и на закуску каменные клыки, сожравшие нарика. Я ничего не пропустил, никто не обиделся?

Выход у меня оставался один. И в прямом, и в переносном смысле: двигаться через отверстие в жёлтой стене. Причём чем быстрее я начну свой одиночный поход, тем лучше. Провизии не было, дорога ожидалась неблизкая, следовательно, если я буду тянуть время, то обреку себя на длительную голодовку.

Как же мне не хотелось вставать! Ныло тело, истерзанное экстремальным спуском, и очень хотелось спать. Но я заставил себя подползти к автомату, а после проделать четвероногую ходку к полужасыпанной норе, откуда веяло тёплым воздухом и запахом чего-то сухого и противного. Матюгнувшись и задав необходимый настрой для плодотворной работы, я начал разгребать гладкие голубоватые булыжники, оставлявшие на коже ощущение чего-то слизистого. Механически отгребая камни, я с ненавистью думал о Фёдоре, который так круто киданул меня с этой якобы работёнкой. У меня не было ни капли сомнения – родственничек заранее знал об уготованной мне судьбе. Твою мать! Вот тебе и возвращение через неделю! Не пришло бы даже гроба, дабы моя благоверная демонстративно порыдала на нём. Интересно, какую хрень наплёл бы Федька на вопрос, куда же я всё-таки исчез?

Рука провалилась, и камни дождём посыпались вниз, постукивая о твёрдую поверхность. Лаз получился широкий, и я без труда мог протиснуться в него. Однако, наученный горьким опытом, я сначала выставил перед собой автомат,

надеясь, что многочисленные падения не повредили механизму оружия. Выглядел он теперь не так круто, как в начале путешествия. Правда, за поясом продолжал давить в живот ещё и пистолет, о котором я периодически забывал.

Никто не рычал, не визжал и даже ни разу не булькнул, поэтому я осмелился продвинуться чуть дальше и посмотреть, куда занесли меня черти на этот раз. Выяснилось, что злокозненные создания привели меня в идеально круглый тоннель, напоминающий газовую трубу исполинских размеров. Пока я пытался определиться, как лучше спуститься, нога поскользнулась на синем кристалле, и я кубарем скатился вниз, успев, однако, проклянуть свою злосчастную судьбу. Парой секунд позже, потирая ушибленную (в который раз, никто не подсчитывал?) голову, я справедливо рассудил: если бы не мой рок, некому было бы возмущаться.

Поскольку вопрос о спуске сам собой разрешился, оставалось выбрать верное направление. Логичным казалось двигаться в ту сторону, где труба тоннеля начинала загибаться вверх. Поэтому, забросив автомат на плечо, я поплёлся по скользкому полу, рассуждая на всяческие интересные темы, которые почему-то смыкались на единственной – о еде. Естественно, стали вспоминаться всяческие деликатесы, которые я потреблял (или хотел потратить) в различные периоды своей жизни. Да разве одни деликатесы! С каким теплом я вспоминал последний несчастный завтрак, дезинтегрированный моим желудком.

Погрузившись в эти размышления, я не сразу заметил, как стены тоннеля начали изменять свой цвет, а температура чувствительно возросла. Только когда пот уже ручьями стекал по лицу, а рубашка промокла до последней нитки, я остановился поразмыслить над происходящим. К сожалению, битая-перебитая голова отвратительно компоновала факты, и в получившейся логической цепочке не хватало множества звеньев. Короче, я не понимал, что всё это означает. Поток тёплого воздуха, идущий мне навстречу, превратился в бешеный раскалённый ураган, обжигающий кожу. Тоннель тем не менее продолжал уходить вверх, и я, лелея слабую надежду на выход к поверхности, решил продолжить восхождение.

Ещё через десяток метров стало окончательно ясно: по этой дороге я никуда не доберусь. Воздух стал настолько горячим, что мгновенно сушил пот на лице, а кожа рисковала получить значительные ожоги. Откуда-то спереди доносился ровный гул, который вполне способно издавать мощное пламя, несущее этот жар. Воздух впереди дрожал и переливался, однако сквозь эту пелену я сумел увидеть лежащий на полу коридора продолговатый предмет, очертаниями весьма напоминающий человеческое тело. Любопытство вынудило сделать ещё несколько шагов, после чего стало ясно: двигаться вперёд – значит получить сильные ожоги. Из всех сил напрягая слезящиеся глаза, я сумел разглядеть, что на полу действительно лежит человек в каком-то странном

обмундировании. Поразмыслив, я сообразил, где видел подобное одеяние. В фильмах о дореволюционной жизни. На оплавленной почве тоннеля навзничь лежал человек в форме офицера царской армии. Сохранился он просто великолепно, я даже мог разглядеть выражение боли, застывшее на его лице. Предположение, что кто-то забрался в эту дыру, дабы снять историческое кино, я отбросил как маловероятное. Стало быть, этот тип валялся здесь больше сотни лет. Потрясающе!

То ли температура возросла, то ли организм пресытился этой парилкой, но стало совсем невозможно, поэтому я прекратил разглядывать жмурика и бросился назад, навстречу прохладе, свободной от рёва невидимого пламени. С каждым шагом идти становилось всё легче, и очень скоро я замедлил шаг, намереваясь слегка отдышаться. И подумать.

Чёрт возьми, где же находится это место? То, что здесь бывали люди, я уже понял, но мне казалось, будто все следы их пребывания носят достаточно древний характер. А теперь – на тебе царского офицера! Откуда он взялся и какого хрена его понесло в это пекло? Очередная порция вопросов, не имеющих ответа. С таким же успехом я мог тыкать пальцем в любой предмет, попавшийся мне на глаза, и спрашивать: откуда он взялся и что это такое вообще? Можно я возьму помощь зала? Но по-настоящему меня интересовали только несколько супервопросов: где достать пищу, воду и как выбраться из этого проклятого места живым и здоровым.

Тоннель продолжал опускаться, и яркость освещения мало-помалу стала уменьшаться, поэтому вскоре я брёл в сером полумраке. Одурманенный этим призрачным светом, я лишь чудом осознал, что стены коридора исчезли, уступив место исполинской пещере, озарённой бледно-фиолетовым сиянием. Я замер, ощущая себя стоящим на краю бездны. Так оно и оказалось: опутив глаза, я увидел, как камень под ногами обрывается в никуда. Ещё один шаг – и самый опытный патологоанатом не сумел бы собрать мои останки в нечто целостное. Отступив на полшага, я поднял голову.

Мертвенное сияние, заполнявшее это пространство, позволяло рассмотреть невероятные сталактиты, свисающие с невидимого потолка. Больше всего эти исполинские образования напоминали гигантские перевёрнутые башни из абсолютно белого материала. Между ними медленно ползли сизые облака. От всего этого начинала съезжать моя неокрепшая крыша: мне казалось, будто мир перевернулся, и я вверх ногами повис над какими-то циклопическими постройками, подножия которых укрывает туман. Зрелище завораживало, сводило с ума. Именно поэтому я не сразу понял, почему башни начали подниматься. А когда сообразил, было уже слишком поздно.

Оказывается, глубина, на которой я стоял, постепенно наращивая скорость, ползла вниз. Чёрное отверстие тоннеля, покинутого мной, осталось уже высоко-высоко. В панике я посмотрел вниз и по-прежнему ничего не увидел: меня спус-

кали в бездонную яму. Голова закружилась, тело качнуло из стороны в сторону. Держаться было не за что, и мне пришлось прижаться спиной к скале, по которой полз этот импровизированный лифт. Сюрприз! Стены за спиной не было. Я мгновенно рухнул назад, ощущая, как нити, удерживающие рассудок на границе безумия, становятся всё тоньше. Но если я готовился к долгому падению, то ожидания не оправдались. Почти сразу я брякнулся на твёрдый камень, получив очередной синяк. Свои деньги я отрабатывал, получая шишки и ссадины.

– Вот ...дь! – выругался я. А что бы сказали вы на моём месте?

И где же я оказался? Где я, чёрт побери, мог оказаться?! В очередном долбаном тоннеле! На этот раз меня ожидал угрюмый, усыпанный булыжниками ход, чьи каменные стены поросли какой-то гадостью наподобие мха. Скользящая плесень на поверхности глыб, по которым я ступал, флуоресцировала слабым мерцающим сиянием, очерчивая их контуры. И это было единственным лучом света в тёмном царстве. Меня не покидало ощущение, будто я шагаю по камням, повисшим посреди космоса, и это вызывало определённый дискомфорт. Не очень помогли частые падения, во время которых я ощущал: в тёмных безднах имеется своя твёрдая подоплёка. Сколько времени я шёл по этим кирпичам-призракам под навесом причудливых узоров, мерцающих во мраке, не знаю. К сожалению, никто не предусмотрел

часов на стенах или хотя бы солнца над головой.

В конце концов должно же быть хоть какое-нибудь разнообразие, повороты по крайней мере. Ни фиги! Путь был совершенно прямым, в честь одноимённой кишки, и это унижало, вынуждая ощущать себя одиноким глистом, продвигающимся в сторону всё той же задницы. Временами меня охватывало отчаяние, и я начинал громко материться, проклиная всё на свете. Мало-помалу эти вопли сменялись пронзительным воем, и некоторое время я стоял, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Видимо, от постоянного мрака, расцвеченного лишь привиденческим сиянием потустороннего лишайника, мозги норовили свернуть набок и зафиксироваться в подобном положении.

Наконец свершилось давно ожидаемое: мои верные, неоднократно битые ноги заявили ноту протеста и выразили желание взять кратковременный отгул. Поскольку её величество голова не имела никакого желания быть расшибленной о камень, пришлось адекватно реагировать на критику снизу. Я сел около стены, устроившись на относительно плоском камне и опёршись спиной о светящуюся абстракцию. Точно такая же оказалась у меня перед глазами.

– Я хочу жрать, – сказал я ей, аккомпанируя бурчащим желудком, – мне нужно пожрать!

Светящаяся плесень и не подумала возражать, ей было плевать на мои проблемы. Когда я понял это, бешеная ярость

охватила меня, застилая глаза клубящимся багровым туманом. Пришёл в себя, стоящим и целящимся в чёртов мох из автомата. Великолепно! Где психиатр и парочка санитаров с удобной рубашкой? Самое время.

Тяжело дыша, я снова сел на камень и осторожно отложил автомат в сторону.

– Время спать, – сказал я сам себе и сам себе ответил:

– Хорошая идея, вот только пожрать не мешало бы.

– Заткнись, придурок, – вяло одёрнул я себя, – думаешь, я жрать не хочу?

– Тебе по фигу, – хмыкнул я, – а как я засну на голодный желудок?

– Можешь не спать, – отрезал я и начал устраиваться на камне, готовясь ко сну.

Внезапная мысль заставила меня подняться и, нащупав автомат, уложить его стволом в направлении моего сегодняшнего движения. Не хватало ещё, проснувшись, двинуться обратно. Прodelав эту операцию, я вновь улёгся на холодный скользкий камень, давящий моё больное тело всеми своими выступами.

– Спокойной ночи, – пожелал я себе.

Никто не ответил.

Ночью ко мне пришёл Сергей, светящийся во мраке, и сел напротив, рассматривая узоры на стенах глазами, сияющими словно две автомобильные фары. Щупальца, свисающие у него изо рта, слабо шевелились и пытались обвиться во-

круг шеи.

– Хреновые дела, – сказал Серёга, почёсывая нос огромным когтём на конце многосуставчатого пальца. – Меня прикончили, так ещё и ты скоро опрокинешься.

– Пошёл ты! – сказал я. – Меня так просто не прикончить. И вообще, не мешай мне спать.

Сергей засмеялся и пропал.

Я проснулся. Наверное. Понять, проснулся я или нет, стало намного труднее, чем раньше. Очень долго я вообще не мог сообразить, где нахожусь и почему никак не могу нащупать выключатель и включить свет. Ладонь хлопала по склизким щербатым стенам, всякий раз вспыхивающим холодным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.